

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ
АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

ДРАКОНЫ СЕВЕРА

ДАЛЬНИЙ ПОХОД

Драконы Севера

Александр Проzorов

Дальний поход

«Автор»

2015

Прозоров А. Д.

Дальний поход / А. Д. Прозоров — «Автор», 2015 — (Драконы Севера)

ISBN 978-5-699-76628-4

1584 год... Ватага казаков, отбившаяся от Ермакова войска ради поиска золотого идола в далеких северных землях, столкнулась там с древним народом сиря-тя, в незапамятные времена бежавшим на Ямал с юга и силой своего колдовства создавшим второе солнце, от чего сильно изменился климат тех суровых земель. Жара, влага и ведовство вызвали к жизни целый сонм чудовищ, подчиненных воле колдунов, – динозавров, анаконд, птеродактилей. Единственная сила, способная противостоять колдовству и драконам, – огнестрельное оружие, но оно требует пороха, а взять его на Ямале негде. Атаман Иван Егоров принимает нелегкое решение...

ISBN 978-5-699-76628-4

© Прозоров А. Д., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава I	6
Глава II	22
Глава III	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Прозоров, Андрей Посняков

Дальний поход

© Прозоров А., Посняков А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава I

Апрель – май 1584 г. Восточное побережье Ямала Троицкий острог

Слева от струга тянулся сплошной полосой низкий, с серыми, обросшими тысячетлетним мхом валунами и колючим кустарником берег, продуваемый всеми ветрами, неудобный, холодный, гнездилище неприхотливых гагар и бакланов. Свинцовые, студеные даже с виду волны лизали прибрежные камни длинными пенными языками, шипя, словно огромные змеи, что водились подальше от моря, в теплых лесах сир-тя. Да и вообще, кто там только не водился – выпускаемый колдовским солнцем жар давал жизнь самым гнусным тварям, коих плывущие казаки не видали раньше даже в самых кошмарных снах. Двуногие – с маленькими передними лапками и огромными зубами – драконы величиной с добрую ладью, осанистый – с три амбара – трехрог, яйцеголов с покатым черепом, похожим на оголовье немецкого шлема, травоядный – однако огромнейший! – длинношей, хищные волчатники, выглядевшие словно потрепанные зубастые курицы величиной с лошадь...

Но все это там, в глубине колдовских земель, здесь же, у холодного моря, теплолюбивые твари не водились, и даже могучие колдуны сир-тя не могли долго удерживать их в этих местах своей злобной волей. Лишь крупные шерстистые слоны – товлынгги – иногда забредали к морю, паслись небольшими стадами, лакомясь вкусной морошкой и грибами. Впрочем, до морошки – и уж тем более до грибов – было еще далеко, весна, можно сказать, только еще начиналась... Здесь. В глубине же земли колдунов всегда царил вечное лето.

– Па, робята! – выкрикнул с мачты марсовый – молодой казак Кудеяр Ручеек, рябой и чубатый, как раз его очередь была сегодня дозорить. – Товлынгги! Вона, к северу, где холм.

– Вижу! – присмотревшись, сутулый и худющий десятник Силантий Андреев, бывший на струге за главного, махнул рукой кормщику. – Давай, Кольша, поворачивай к берегу... Поглядим. А вы, парни, – десятник строго взглянул на казаков, – раньше времени-то не радуйтесь – товлынггов еще запромыслить надоть. Из лука его не возьмешь, а порох атаман беречь наказывал накрепко! Стрелять разрешил токмо в крайности – ежели вдруг колдуны драконов зубастых нашьют.

Молодые казаки – Кудеяр, Семенко Волк, синеглазый Ухтымка – радостно запереглядывались, засмеялись – уже пятый день судно бороздило море, и пока без добычи, и вот – выпал шанс.

– Эх, возьмем нынче бивней! Ты что невесел, остяк?

Смуглый, с круглым лицом и густой светло-русою шевелюрой отрок из народа хантов, прозываемого на Руси остяками, скромненько притулившись на носу, обернулся, возмущенно сверкнув большими, цвета еловых лап, глазами:

– Нам не один товлынгг нужен, да-а. И даже не дюжина. Забыли, зачем шли?

– А ведь прав нехристь! – Десятник задумчиво почесал голову. – Нам стойбище дикарское разорить надобно – у них там хижины из костей товлыжьих... нам на струг хватит! А за этим стадом... ты, Маюни, верно сказал – не один нужен и не дюжина. Так что пусть их... пусть идут.

Юный остяк Маюни покивал и потрогал привязанный к поясу бубен, щедро украшенный бисером и кисточками из оленьих шкур. Настоящий бубен, шаманский... И отец Маюни был шаманом, и дед, и дед деда... и вот он сам – шаман. Правда, может, еще не в столь уж большой силе, но все-таки. Прибился парень когда-то проводником, еще в Сибири, а теперь и сам добрый казак стал – в ватаге его уважали, несмотря на юный возраст и язычество, и сам атаман Иван Егоров сын Еремеев частенько с Маюни советовался и даже вот велел пожаловать саблей.

Вот она и сейчас на поясе – там же, где огниво и нож. А с другой стороны – бубен. Супротив колдунов-то бубен сей куда важнее сабли будет!

– Так что, дядюшко Силантий, дальше плывем, что ль? – ловко спустившись с мачты, громко – за всех – спросил Кудеяр Ручеек, приходившийся десятнику кровным племянником и ничтоже сумняшеся полагающий, что сие родство позволит напрочь игнорировать субординацию.

– Дальше пойдем... – десятник неожиданно окрысился. – А тебе, Кудеярко, не нравится, что ли? Веслами махать устал? Иль на мачте все мозги просквозило? Так живо посейчас высадим – иди себе берегом, корми мошку...

– Дак нету мошки-то, дядько. Ветер! Да и товынги опять же... хоть что-то было бы! Вдруг да стойбища людоедские не найдем?

Вот тут он был прав: вполне могли и не отыскать стойбища, многие уже порушили, бивни забрали, а больше у людоедов-зверолодей, прозываемых остяками и ненцами – менквы, – и брать-то нечего было, окромя разве что выпариваемой соли... так казаки и сами научились выпаривать – горькая соль выходила, ну да ничего, и такой были рады, надеясь ближе к осени получить хорошую, настоящую соль со строгановских варниц... соль, порох, припасы, да много чего – вот струги к Строгановым и снаряжали – искали бивни, товар цены немалой, настоящее «белое золото».

– Ты что там высматриваешь, Маюни?

Десятник Силантий Андреев соображал не особо быстро, но дураком вовсе не был, и сам атаман с недавнего времени поручал ему самые ответственные дела, вполне полагаясь на рассудительность сего немолодого уже казака и на его осторожность. Вот и сейчас Силантий вовсе не торопился отдавать приказ плыть дальше – думал, прикидывал да посматривал на остяка – тот хоть и юн, да в лесных делах опытен, в лесу рожден был, в лесу жил, повадки зверей знал как свои пять пальцев... И на показавшихся на берегу товынгов посматривал с явным подозрением, вовсе не ускользнувшим от внимательного взгляда Андреева.

– Вижу, кусты там, веточки молодые, да-а, – оглянувшись, негромко пояснил Маюни. – Товынги их любят... да что-то не пошли, назад повернули. Думаю – учуяли кого-то, да-а!

– Может, волк?

– Нет, – отрок упрямо сжал губы. – Волков они не боятся, а драконы зверозубые да волчатники хищные сюда тоже не забредают – холодно, да-а.

– Так ты думаешь...

– Менквы, да-а, – серьезно заявил остяк. – Больше некому.

Быстро пройдя на нос, Силантий Андреев осторожно вытащил из-за пояса зрительную трубу, выданную самим атаманом под честное слово, и, приложив к левому глазу, навел резкость.

– Ну, что там? – поднял глаза Маюни.

– А ведь и впрямь – людоеды! – шмыгнув носом, десятник протянул подростку трубу. – Сам глянь. Как пользоваться, знаешь?

– Знаю, да-а. Господин атаман показывал.

Припав к окуляру, остяк вдруг неожиданно для себя отпрянул – настолько близко оказалась тупая рожа менква! Широкоскулая, с массивным подбородком и маленькими, какими-то звериными глазками, злобно посверкивающими из-под костистых надбровных дуг.

Справившись с собой, Маюни, не обращая внимания на смех казаков, чуть передвинул трубу...

– Один, два... десять... Десять всего. Это не охотники, да-а. Скорей – дозор, разведка. Просто выслеживают, куда пойдет стадо.

– Значит, тут их и деревня где-то рядом. Селение... – Андреев сунул трубу обратно за пояс. – Как думаешь, если за ними последить, выслать парней – учуют?

– Обязательно учуют, да-а, – кивнул Маюни. – Если уже не учуяли. Ветер-то с моря, от нас. Однако, думаю, они за стадом пойдут... Однако откуда-то ведь они пришли, да-а.

– Ай да остяк! – искренне похвалил десятник. – Подождем, покуда уйдут, да по следам – не за ним, а к стойбищу. Эй, парни! Семенко, Кудеяр, Ухтымка... еще вы двое... И ты, Кондрат.

Кондрат Чугреев – осанистый сильный казак, далеко уже не юный – спокойно кивнул и поправил висевшую на боку саблю.

– Кондрат за старшего, дядюшка? – тряхнув чубом, осведомился Кудеяр Ручеек. – Коли так, пушай, чур, не ругается и по матушке нас не костерит.

– Когда это я вас костерил?

– А третьего дня! Когда мы с Ухтымкой на мачту лезли. Скажи, Ухтымка?

– А ну-ко, цыть! – Силантий живо охолонул парня. – Правильно вас Кондрат костерил, сопленосых. А старшим я самолично пойду, ужо разомну косточки. Кольша, правь к берегу, да, как уйдем, останешься на струге за старшего.

Молодой, уже успевший обжениться кормщик Кольша Огнев, зычно отдав приказ команде, навалился на румпель, направляя судно к земле. Заскрипели снасти, закрутились, опуская рей с парусом, деревянные колесики – юферсы, – казаки дружно взмахнули веслами.

На нос живо послали промерщика – того же Ручейка – мерять шестом глубину, дабы невзначай не наскочить на отмель. Струг был, конечно, из новых – старые, еще строгановской постройки, увы, уберечь не удалось, а уж новые вышли как вышли – ну, не было среди казаков отменных специалистов по постройке крупных судов, хоть все и ведали с детства каждую доску, сшивку, скамейку... каждый изгиб киля. Но одно дело ведать, и совсем другое – строить, струг не ношва – та, как сундук, только без крышки, лодка. Струг же – судно серьезное, и столь же серьезного подхода требовал. Взялся за строительство молодой казак Костыка Сиверов, для того ему атаман Иван Егоров власть дал – поставил старшим над занятыми в строительстве казаками. Сладили корабль из сырого теса, шкурами поверху обшили – и ничего вышло, хоть неказисто, да не протекало нигде, плыть можно. Так и второй струг сладили, и третий... пятый... Понимал атаман, острог-то новый на острове поставили, без флота – никак.

– Левей, левее бери! – внимательно всматриваясь в воду, указывал с носа Кудеяр Ручеек. – Прямо да справа – камни, а там... там песочек. Вытянем! Оп!

Спрыгнув со струга в воду, казак замахал рукою:

– Сюда, сюда, за мной...

Десятник тотчас же послал казаков:

– А ну, подмогните, робяты!

Общими усилиями судно вытащили носом на береговую отмель, корма же осталась в воде.

– Ну, пошли, – поправив саблю, махнул рукой Силантий. – С богом! Ты, Кольша, посматривай тут.

– Да уж как-нибудь управлюсь, – благодушно отмахнулся молодой кормщик, понимая, что не его это дело – бегать по берегу с ватагой, его дело морское и, пожалуй, главное – за стругом следить, править. Куда без корабля-то? Никуда. Добычу на себе далеко не унесешь, неудобно – громоздко, тяжело, да и людей столько нету. Все ж казаки надеялись, что добыча будет знатной.

– Вот тут они пробирались, да-а, – остановился, склонился над следом Маюни. – Трава примята, а вон – каменья острые. Менквы каменья любят, да-а. Они им и вместо ножа, и вместо дубины. Видать, прихватили лишку да выкинули.

– Ну и куда нам тут идти? – Достав зрительную трубу, десятник глянул на маячившие вдали мощные фигуры товынгов.

– Туда, – остяк кивнул в противоположную сторону. – Вдоль большой воды пойдем, да-а, но не слишком близко, как менквы шли.

Казачи согласно покивали, хоть старшой их согласия и не спрашивал. Массивные зверю-люди шли не таясь, оставляя вполне приметные следы, продираясь сквозь кусты, рвали шкуры – тут и там висели выдранные лоскутки.

– Вот ведь оборванцы, ух ты!! – негромко хмыкнул Ухтымка.

Кудеяр Ручеек расхохотался, едва не споткнувшись о какой-то округлый валун:

– Ты на себя-то глянь, паря! Не оборванец ли? Об остяке нашем я уж и не говорю – так с голым пузом и ходит.

Вот тут Ручеек был прав: пообносились за время похода казачки, пооборвались, в заплатках хаживали, а кто и кафтаны на кухлянки да малицы оленьи сменил, а сапоги так давно уж многие – на торбаса из змеиной шкуры. От тех змеюг огромных – хищных острозубых нуеров, – что в теплых колдовских реках водятся, сея вокруг себя погибель и ужас. Что же касемо Маюни, то да – тот в жилетке оленьей нараспашку ходил, на груди оберег от колдовского глаза повесив. Кухлянку свою давно уж подарил отрок одной красавице деве, русской, по имени Устинья... Ус-нэ. Кухлянку ту Ус-нэ, почти не снимая, носила, и оттого Маюни было так приятно, как тогда, когда Устинья его поцеловала в губы. Было ведь, было! Ничего – четырнадцатая зима позади, там и пятнадцатая, шестнадцатая – и можно жену молодую – красавицу Ус-нэ – в свой чум привести! Да в какой там чум... ежели позволит великий Нуми-торум – так и в избу!

Вспомнив невзначай имя великого остяцкого бога, отрок тихонько ударил ладонью по висевшему на поясе бубну... и замер, к чему-то напряженно прислушиваясь.

– Что такое? – повернул голову десятник. – Прочуял что?

– Птицы, – Маюни отозвался свистящим шепотом. – Гомонят... Во-он за теми кустами, да-а.

Казачи тут же вытащили сабли, кое-кто наложил на тетиву стрелу. Росший на пологом холмике кустарник явно что-то или кого-то скрывал – птичий гомон доносился именно оттуда, отчаянные крики, будто кто-то ругался, спорил...

– А ну-тко, Ухтымка, глянь, – распорядился десятник. – Токмо смотри, с опаскою. Мало ли что?

– Сделаю, дядько Силантий.

Передав вложенную в ножны саблю остяку – «Подержи пока!», – молодой казак ловко скользнул меж кустами, исчез и какое-то время не показывался... а потом вдруг как-то резко вынырнул и, махнув рукой, вернулся к своим сотоварищам.

– Селение там, – запыхавшись, доложил лазутчик. – Людоедское.

Все резко напряглись, даже у Андреева побелели скулы.

– Правда, пустое. – Ухтымка неожиданно улыбнулся, показав плотные белые зубы.

– Пустое? – нахмурился десятник. – С чего ты взял?

Парень пожал плечами:

– Птицы. Их там сонмище – всякую дрянь жрут, что дикари после себя оставили.

– Так, может, засада там?!

– Нет, – пришел на помощь Ухтымке остяк. – Засаду б птицы учуяли, увидали б. А менквы всегда гадят много, что пожрут, тут же остатки и бросят, и так, пока не загадят все, что и жить невозможно станет. Потом на другое место уходят, да-а.

– Но там хижина! – напомнил лазутчик. – Длинный такой дом... был, а нынче один остов остался.

Андреев вскинул глаза:

– Из костей?

– Из них... из бивней.

– Так что ж ты молчишь-то?!

– Говорю вот...

– Говорит он!

Сплюнув, Силантий перекрестился и быстро зашагал к дюнам, за ним поспешно двинулись и все остальные, на всякий случай держа наготове сабли и луки.

За кустами, за пологой дюною, и в самом деле виднелся остов дикарского дома, похожий на обглоданного кита. И внутри него и снаружи, гомоня, рылись в многочисленных отбросах птицы – бакланы и чайки.

Кудеяр Ручеек споткнулся о какой-то камень... оказавшийся расколотым человеческим черепом... выругался, размашисто перекрестясь. Все давно знали, что любимое лакомство менквов – мозг.

– Своих пожрали, упыри чертовы, – зло прищурился Семенко Волк. – Эх, не удалось никого прибить-то... Ну да, Бог даст, удастся еще.

Опомнившийся Силантий поспешно выставил караульного – Ухтымку... правда, тут же заменил его на Маюни, казак-то все ж был посильней остяка – а работы впереди предстояло много.

В голубовато-белесом, тронутом длинными перистыми облаками небе сверкало два солнце – родное, ласковое – и пылающие, яростное – колдовское, некогда зажженное могущественными предками нынешних сир-тя. С моря дул прохладный ветер, а вдали, в земле колдунов, синей дымкой тянулись густые леса.

Казак провозились почти до полудня: пока разобрали остов, отобрали бивни один к одному, пока перетаскивали – тяжелы, собаки! Однако своя ноша не тянет, а Силантий Андреев и не скрывал своей радости – на этот раз, похоже, все обошлось без приключений, без лишней крови.

– Чего ж это людоеды кости с собой не забрали? – Скинув бивень наземь, Ухтымка поплевал на руки. – Шкуру, вон, унесли.

– Шкуру-то – понятно, не тяжела. – Напарник Ухтымки, Кудеяр Ручеек, присел на бивень. – А бивни таскать людоедам лениво. На новом месте, чай, сыщут... не товыльжи, так моржовые – рыбий зуб.

– Небо! – вдруг гортанно выкрикнул Маюни.

Казак, побросав бивни, дружно попадали наземь, затаились – вдалеке, над лесом, вдруг появился летучий дракон с кожистыми крыльями и вытянутой зубастой пастью, характерный облик которого казаки давно уже узнавали издалека, вовсе не путая с птицей. Верхом на таком драконе вполне мог оказаться всадник сир-тя – соглядатай, разведчик. Правда, отсюда его – за дальностью – видно не было, но...

Силантий выхватил зрительную трубу, приложился...

– Есть! Есть всадник... А вот и еще один... И вон. Трое! Далеко, мысли наши пока не слышат.

– Сюда летят?

– Нет, – присмотревшись, десятник отрицательно качнул головой. – Там над лесом и кружат. Туда и товыльги шли, а за ними – людоеды.

Распластавшийся во мху Кудеяр Ручеек вскинул голову:

– Думаешь, дядюшка, это колдуны дикарей согнали?

– Скорее всего, – поднимаясь на ноги, задумчиво кивнул Андреев. – Видать, строить что-то замыслили, бревна таскать – рабочая сила понадобилась.

– А не на острог ли напасть собираются? Воинов собирают.

Силантий повел плечом:

– Может, и так. Ничо – атаману обо всем доложим. Ну! Почто разлеглись-то, яко коты морские? А ну, вставайте – поскорей бивни перетаскаем, поскорее дома будем.

– А вот это, дядюшка, верно!

Новый, возникший совсем недавно острог казаки выстроили на острове примерно в версте от старого, располагавшегося в устье реки и разрушенного колдунами. Строили на совесть, заполняя сделанные из бревен клетки песком и камнями, такие стены не смог бы пробить ни один трехрог, ни один яйцеголовый бронник, разве что башку себе проломили бы, гонимые под стены злой волею колдунов. Да и добраться еще надобно до острога – а водица холодная, мерзких ящеров в нее и колдовством загнать трудно, да и недолго тут выдержат теплолюбивые твари – вымерзнут, сдохнут. Иное дело – мохнатые дикари – менквы. В звериных шкурах, сильные, выносливые, злобные и сами по себе тупые... сами по себе, но не волею сир-тя! Колдуны как-то насылали уже на острог дикарей, перевезли на больших лодках, правда, с укреплениями менквы ничего поделать не смогли, как ни старались их хозяева: стены были слишком уж высокими и мощными, да и ворота располагались на высоте второго этажа – «во втором жилье», как говорили казаки, в первом же был устроен ледник для припасов.

На башнях всегда держали зоркую сторожу, да казаки всегда были начеку, хотя в последнее время немножко расслабились – больно уж все стало спокойно, нудно. Охотились, промыслили рыбалкой – еды в остроге, слава богу, хватало, иное дело – соль: выпаривали из морской воды, горькую... ну хоть такая. Заваривали вместо сбитня морошковые и смородиновые листья да покусывали губы в ожидании поспевающей на болотах морошки – вот с нее и бражицы бы! Добрая выйдет бражица, духовитая.

Возле болота, под защиту грозных башен острога, была устроена верфь – казаки, под руководством Костыки Сиверова достраивали очередной струг. Молодой казак Костыка, а вот, поди ж ты, большого доверия удостоил его атаман – и струги выходили ладные! Не такие, конечно, как на настоящей верфи, но все же плавали, не тонули, и добра изрядно везли. Специально для стругов устраивали дерзкие вылазки в колдовские леса – за шкурами ящеров-драконов. Самой хорошей считалась – от длинношея, и прочная, и по размеру – в аккурат, чуть похуже – у длинноголова, ну, на худой конец, годились и зубастые змеи-нуеры – их шкуры натягивали внахлест. Вот и сейчас казаки как раз и занимались этим делом, атаман, подойдя, не стал отвлекать, лишь махнул рукой – работайте, мол, – да отошел к морю, напряженно вглядываясь в даль. Ждал отправленный за «белым золотом» струг. Да его все в остроге ждали. Время к лету шло, нужно было бы поскорей загрузить пару судов бивнями да отправить на запад, к Печоре-реке. К Строгановым.

Отбитое у колдунов золото – а его уже накопилось изрядно – хитрые казаки показывать Строгановым не спешили, справедливо полагая, что те тут же пошлют еще ватагу, а то и несколько. А зачем? Нет уж, лучше самим все захватить, богатыми и уважаемыми людьми сделаться! Затем ведь в эти гиблые места и явились, так и на кругу порешили – оставаться здесь, обратно не уходить да раздобыть в землях сир-тя побольше золота.

Поглядев на старательно трудящихся казаков, Иван Егоров сын Еремеев оглянулся на башни и неспешно зашагал к дальнему концу острова – версты три, – там, за ельником, располагался пологий холм, с которого вполне можно было углядеть струг Силантия Андреева. Уж пора бы ему возвратиться, пора.

Обходя болото, атаман свернул к берегу и там, в плавниках, повстречал возвращающихся обратно в острог женщин – полногрудую осанистую Онисью (пассию немца Ганса Штраубе, давнего Иванова сотоварища и друга) и крутобедрую смуглую Устинью, чем-то похожую на большеглазого подростка. Вместе с ними шли женщины сир-тя – бывшие пленницы, а ныне полноправные казачьи жены – простоватая хохотушка Тертятко и подружка ее, Митаюки-нэ, красавица с зовущей походкой и пронзительным взглядом. Муж ее, добрый казак Матвей Серьга, был от своей женушки без ума... да эти колдовские девы многих с ума сводили.

– Здоровы будьте, девицы! – атаман с улыбкой приветствовал женщин. – За лыком ходили?

– За травами, – поставив тяжелые корзины, женщины дружно поклонились. – Да за глиной. Кувшинов, горшков налепим – водой запастись.

Воду брали с реки, в версте от острога, привозили в лодках – в бочонках да в больших корчагах. Супруга атамана Настя – кареглазая красавица с каштановыми вечно распущенными волосами – тоже отправилась сегодня с подружками... да вот что-то не видать ее было.

– А где Настена-то?

– За ельником, атамане, осталась, – потупив глаза, пояснила Онисья. – Там, на опушке, цветы увидала, нарву, говорит, да наберу на болоте морошковой шелухи.

– За ельником, говорите... Ну, господь вам в помощь, девы.

– И тебе, атаман, не хворать.

Простившись с девушками, Иван зашагал к ельнику, не оглядываясь... а вот кое-кто из дев оглянулся – красавица Митаюки-нэ. Обернулась, проводила атамана долгим подозрительным взглядом...

– Ишь, ходит, распоряжается...

– Так он же вождь! – несмело откликнулась Тертятко. – Он же должен.

– Должен. – Митаюки скривилась. – И я кое-что должна. Ладно, подруженька, пошли, потащили корзину. Как муж твой – Ухтымка? Не вернулся еще?

– Не вернулся. – Тертятко удивленно скосила глаза. – Ты ж знаешь.

– Знаю. А спросила – так просто. Ну, пошли.

Себе на уме была Митаюки и власть над мужем имела крепкую... как и Тертятко над своим Ухтымкою. Сами-то казаки – и Ухтымка, и Матвей Серьга – в простоте своей полагали, что сами по себе в пленниц сир-тя влюбились. Наивные! Коли б Митаюки не сварила приворотное зелье – так еще неизвестно, как бы обернулось все. Были бы живы пленницы? Остались бы в наложницах, которых всякий... Или сбегали б уже... явились бы в свой род опозоренные, никому не нужные... А так – уважаемые... почти уважаемые, замужние женщины. Особенно казаки Митаюки-нэ уважали, а многие – так даже и побаивались, в чем ничего удивительного не было: Митаюки еще в доме девичества в селении своем родовом Яхаивар считалась одной из лучших, подающих большие надежды колдуний. Митаюки – колдунья, а Тертятко-нэ – так...

Иван обнаружил жену на опушке, у ельника – что-то напевая, Настя увлеченно собирала цветы – крупные желтые одуванчики, розовый клевер, ромашки...

– Зачем они тебе? – подойдя ближе, тихо протянул атаман.

Девушка дернулась, обернулась:

– Ой! Ты как подобрался-то?

– Больше песни пой, – улыбнулся Иван. – Верней – громче. Так и колдун с неба на драконе своем прилетит – не заметишь.

– Уж колдуна-то замечу, – девушка весело засмеялась.

Именно так – девушка – молодой жене атамана едва исполнилось восемнадцать.

Егоров уселся в траву:

– Так цветы-то тебе зачем все-таки?

– Клевер с ромашками – засушу, пригодятся. А одуванчики... – Настя смущенно улыбнулась. – Больно уж они красивые, крупные... ровно солнышки. Вот у нас дома, помнится... Потому и сорвала, сейчас веночек сплечу. Подождешь? Или куда идти надумал?

– Надумал. Но подожду. А ты плети, плети, любя.

Рассмеявшись, Иван взъерошил ладонью волосы супруги, обнял, целая губы... Руки его скользнули под короткую кухлянку Насти, нащупав теплую шелковистую кожу спины.

– Да подожди ты... Веночек-то дай доплести...

А пальцы атамана уже бежали по девичьей спине, то поднимались выше – к лопаткам, то спускались к ягодицам, к ямочкам у копчика, залезая под узкие замшевые штаны, кои – на ненецкий манер – носили в остроге все женщины.

– Ой... Ой! Щекотно!

– А ложись-ка, мила, на травку...

Иван и сам сбросил уже с себя и кафтан, и рубаху, да, заголив юной супруге живот, начал целовать пупок... а потом добрался и до груди, накрывая губами коричневатого-розовые твердеющие сосочки.

Ставив с Насти кухлянку и штаны, Иван опустился перед женой на колени и какое-то время стоял так, смотрел, любясь невозможно красивыми изгибами нежного и гибкого тела, потом снова поцеловал грудь, спустился к пупку, к лону...

Юная женщина застонала, облизывая губы, в карих блестящих глазах ее запрыгали солнечно-золотистые искорки-чертики... Настя приняла мужа с такой страстью, какой почему-то давно уже не испытывала в избе, может быть, потому, что там все же было темновато, а вот здесь, на поляне... здесь как-то все было по-новому: синее бездонное небо над головой, пьянящий запах смолы, теплый, ласкающий разгоряченные тела ветер.

Дева почему-то совсем не стеснялась своей наготы, ну, может быть, чуть-чуть, самую капельку, хотя полагалось бы стесняться – так, строго подняв указательный палец, говаривал в недавно выстроенной – точнее, восстановленной из отбуксированных лодками от старого острога бревен – церкви священник, отец Амвросий. Церковь посвятили Святой Троице, так и новый острог назывался – Святой Троицы или просто – Троицкий. А отец Амвросий...

– Ой!!!

Оттягивая высший момент наслаждения, девушка старательно думала о чем-то постороннем: о священнике, об остроге, церкви... Помогало это мало – приятный жар, быстро распространяясь по всему телу, взорвался в лоне, да так, что Настена, застонав, изогнулась дугою, едва не расцарапав спину своего атамана.

А тот, испытав наслаждение, не переставал ласкать любимую женушку, только ласки стали куда более нежными, томными, словно бы терпкая волна страсти, накрыв супругов с головою, схлынула, уступив место штилю... чтоб вновь вернуться, ударив с новой силой! Так, чуть погодя, и случилось, только на этот раз этой волной была Настя. Именно она, едва переведя дух, накинута на мужа с новой силой: обхватывая, сжимая бедрами, уселась сверху, ощущая спиной и талией крепкие ласковые руки, наклонилась, целуя Ивана в губы, сама заходясь в страсти, провела твердыми сосками по его груди, чувствуя, как пробежались по спине нежные пальцы мужа, а по всему телу заходили мурашки...

– Ой!!!

Мужские ладони сжали гибкий стан, бедра, и лоно вновь наполнилось жаром. Отпрянув, Настя застыла, продлевая прятный накал страсти, и, не выдержав, задержалась, застонала, закрыла глаза, отдаваясь томной любовной неге, лучше и слаще которой, наверное, не было ничего в этой жизни.

Бедный отец Амвросий...

– Ах...

Дергаясь и изгибаясь, словно быстроногая лань, девушка вновь прижалась к груди мужа... затем открыла глаза... и снова закрыла, ощущая, как волна удовольствия вновь накрывает ее... и супруга.

Они так и пропустили вернувшийся с дальнего похода струг – не заметили, проглядели, да ведь не до того и было, какой там струг, когда тут...

Струг увидели, уже подойдя к острогу.

– Вернулись, – выпуская из руки горячую ладошку супруги, атаман улыбнулся. – Надеюсь, не пустые.

– Да ну, – Настя повела плечиком. – Пустые уж не вернулись бы. Наверняка с добычей. Вон, какие бегают радостные.

И в самом деле, вернувшиеся казаки Силантия Андреева швартовали струг с шутками-прибаутками, а вот уже, перебросив мостки, принялись таскать бивни.

– Стойте, стойте! – замахав руками, закричал атаман. – Куда выгружаете-то? Все одно – день-два, и обратно грузить! Настя... ты домой иди, а я тут... я тут распоряжусь.

Домой – это пока было сказано довольно сильно. Все казаки ютились в крепости, в башнях, на разных ярусах, и вот только сейчас, в конце весны, решились ставить избы. Первую, конечно, для атаманской семьи – сруб уже стоял ладный, а вот крышу еще тесом не успели покрыть, затянули пока шкурой нуера, да еще нужно было ладить печь, здесь, на взморье, погода держалась прохладная, а зимой хотя особых морозов и не было, но все ж таки выпадал снег.

За лето все женатые ватажники задумали поставить себе избы – и кормщик Кольша Огнев с недавно разродившейся дочкой белотелою Авраамою, и Матвей Серьга с Митаюке-нэ, и молодой Ухтымка с Тертятко. Даже вечный насмешник немец Штраубе – и тот захотел отдельную избу, чтобы было куда привести осанистую, дававшую всем от ворот поворот Онисью. А вот Маюни об избе не думал, и вовсе не потому, что маловат еще, что не допускает его покуда к себе ненаглядная Ус-нэ Устинья. Знал – придет время, уж всяко чум запросто сладит или хижину.

Молодые казаки, конечно, женатым завидовали, и по этому поводу полегоньку назревало в остроге тихое мужицкое недовольство, рано или поздно грозившее вылиться в открытый бунт. Женщин все ж таки на всех не хватало, да и те, что имелись, оказались в ватаге случайно – русских дев отбили еще в Кашлыке, освободили из полона татарского, вот они и прибились с тех пор к казакам, еще появлялись ненецкие девки, многие из которых, увы, были убиты колдунами и менквами, впрочем, большая часть, как подозревал атаман, благополучно вернулась в родные свои стойбища, ведь ватажники пленниц хоть и пользовали, да не стерегли. Ежели не любо, так пусть на все четыре стороны катятся, ловить их не собирался никто. Вот и полоняницы сир-тя сбежали к своим потихоньку, только две и остались, те, что любовь свою нашли, а точнее даже – сами и создали. Тертятко-нэ, правда, сильно привязалась к своему Ухтымке, да и юная колдунья Митаюки мужа своего, Матвея Серьгу, жаловала и всячески ублажала. Но – себе на уме была и очень хотела власти.

И еще появлялись иногда в остроге странные особы – то молодая смуглявая полонянка сир-тя, то справная светлоокая казачка Елена, коей в отряде отродясь не было, а то – старуха, страшная, словно смерть. Старуху эту, колдунью Нине-пухуця, сами же казаки и спасли когда-то от лютой казни, когда так вовремя напали на селение Яхаивар. Оттуда же, из этого селения, были и Митаюки с Тертятко. Но только Митаюки знала-ведала, что и странная смуглянка, и непонятно откуда взявшаяся казачка Елена, и Нине-пухуця – суть одно и то же явление, три стороны единого целого – злобной трехсотлетней ведьмы. Знала о том Митаюки-нэ, но никому не говорила... и вовсе не потому, что старую колдунью побаивалась.

Возле крепости, прямо напротив башен, возвышалась красивая одноглавая церковь Святой Троицы, срубленная казаками «в лапу» еще в старом остроге и теперь любовно перенесенная в новый. В церкви этой с охоткою правил службу ватажный священник, отец Амвросий – еще не старый, слегка за тридцать, опытный воин и неистовый проповедник с пронзительным взглядом синих, как небо, глаз. Широкие плечи, окладистая светло-русая борода, волосы пышною гривой – любо-дорого посмотреть... а вот попадьи, матушки, у отца Амвросия, увы, не было, вовремя обжениться не успел и теперь вот маялся, каялся и молился, особенно после того, как стала являться к нему смуглая крутобедрая дева. Обычно являлась та обнаженной и вытворяла такое, что молодой священник не в силах был совладать со своей плотью... о чем потом сильно жалел и беспрестанно замаливал грех. Вплоть до новой встречи.

Знал, что наваждение это, морок, посланное бесовское наваждение... знал, молился... но покуда ничего с собой поделать не мог. Однако – пытался. Еще недели две назад присмотр-

рел отец Амвросий небольшой островок, куда мористее, нежели тот, где стоял острог Святой Троицы. Совсем маленький был островок, саженой десять на тридцать, скалы, камень, но и трава росла и даже несколько сосенок. Вот там-то, среди сосенок, и решил священник поставить небольшую часовенку, пустынь, куда бы время от времени мог удаляться, очищая душу и разум. Дело сие отец Амвросий ладил вдвоем с добровольным своим помощником и пономарем, нескладным, с покатыми плечами, малым Афоней по прозвищу Спаси Господи (верным клеветом, как выразился однажды мекленбургский наемник и справный казак немец Ганс Штраубе). Сплавали на ноше на островок, нарубили, ошкурили сосенки, оставили сушиться на ветерке да на солнышке, теперь вот осталось сложить сруб.

Вот уж туда-то, в часовню, как надеялся священник, уж никак не доберется проклятая бесова девка! Да и не узнает – откуда? – насчет островка и часовенки отец Амвросий с Афоней особенно-то не распространялись, держали языки за зубами.

Нынче же священник как раз уплыл в пустынь, но уже вскорости должен был вернуться – уже небось узрел струг. А как без молитвы святой отправить казачков к Печоре-реке по бурному морю? Вестимо, никак. Вот и не собирался отец Амвросий бросать свою паству на произвол судьбы, просто ненадолго отлучился – молился, каялся.

А старая ведьма Нине-пухуця бродила тенью неслышною по болотам – сильно ее интересовала сила бородатого русского бога, прозываемого Иисус Христос, в эту силу верил и ее использовал, отменяя все чары сир-тя, красивый и сильный русский шаман Амвросий... так почему бы не попользоваться столь чудесной силой и ей, Нине-пухуця, обреченной могучими колдунами на позорную и лютую смерть? Ее собственное колдовство да волшебство русского бога – вот и выйдет такая сила, что мало не покажется даже самым сильным колдунам! И тогда... И тогда народ сир-тя наконец пробудится от векового сна, отвратится неги и праздности, ибо в этом мире выживут только сильные, только те, кто ищет войны, кто не жалеет крови – ни своей, ни чужой. Такие, как эти неистовые бледнокожие дикари – казаки-ватажники, такие, каким был когда-то древний народ колдунов. Да, великие предки сир-тя вынуждены были бежать от сильных и могущественных врагов. Но они не сидели сложа руки, не плакали, не стонали. Они познали древнюю мудрость, обрели колдовство, создали и зажгли яростное второе солнце, дав новую жизнь этой суровой северной земле!

– Тертятко-нэ, вернулся ли славный муж твой? – ведьма Нине-пухуця, незаметно для караульчиков миновав ворота, объявилась за спиной смуглолицей девы, радостно ожидающей возвращения супруга в отгороженном оленьей шкурой углу на втором ярусе воротной башни.

– Ой... – девушка обернулась... увидев перед собой обычную белолицую казачку... коих постоянно друг с дружкой путала.

А что? Девки русские все бледные, как поганки, с лицами вытянутыми, словно у длинно-голова, глаза у всех одинаковые – выпученные, круглые, словно у сойки. Так как тут не перепутать таких пучеглазых?

Вот и сейчас Тертятко, как звать эту деву, не вспомнила. Лишь махнула рукой да на всякий случай улыбнулась:

– Да, вернулся уже светлоокий супруг мой. Приплыли. Сейчас большую лодку погрузят и – домой, сюда явится. Буду лепешки печь!

– Лепешки – это хорошо, – улыбнулась ведьма.

Затмить рассудок Тертятко для нее не стоило совсем ничего... иное дело – Митаюки-нэ, но та и в доме девичества подавала большие надежды... в отличие от своей бесталанной подружки.

– Так отец Амвросий с ними?

– Не! – Тертятко всплеснула руками. – Он с ними и не был.

– Не был, вот как? – удивилась колдунья. – А говорят, тоже куда-то плавал. В лодке его видели.

– В лодке? – моргнув, переспросила девчонка. – А-а-а! Так это, верно, в маленькой лодке. Наши-то мужи в большой куда-то далеко плавали, а отец Амвросий – в малой. С этим своим помощником, смешным Афоней.

– Со смешным Афоней... – Нине-пухуця призадумалась. – Так он же вроде здесь, на острове. Недавно его только видела.

– Так и я его видела – к старому ельнику шел. Там, рядом, на берегу клев хороший, так видно – туда.

– А шаман... тьфу... священник, значит, без него нынче уплыл?

– Да. Выходит, так.

– Ладно, славная дева. Пеки своему муж блины!

Щелкнув пальцами, сгинула старая ведьма, ловко, быстро, словно и не было, так, что глуповатенькая Тертьятко о ней и не вспомнила больше. Да и не до «казачки» ей было – мужа младого домой ждала.

Скинув драный кафтанец и сапоги, пономарь Афоня Спаси Господи, свесив босые ноги, сидел на плоском, нагревшемся за день камне и, щурясь от рыжего солнышка, ловил на уду рыбку. Клевало не то чтоб плохо, но... не сеть, конечно, много-то на уду не наловишь, да и не шибко-то старался парень ловить – отдыхал больше да о жизни своей думал. На взгляд Афони – удачно все складывалось, хоть и земля тут незнаемая, и колдуны, и драконы зубастые, а все ж он, молодой व्यуношь, не последний человек в ватажке! Отца Амвросия первый помощник... эх, вот еще бы и сан – но для того в Строгановские землицы надобно ехать, чтоб сан получить, а допрежь не худо бы и подвиг какой совершить во славу светлой веры Христовой. А вот тут-то, в этой-то колдовской земле, для подвигов было самое место! Идолы поганных крушить да добраться наконец до поганого колдовского солнца! Ну и крестить, конечно, язычников... в особенности – язычниц, средь колдуниц попадались совсем ничего девки, добрые, справные, аппетитнее, такие что...

– Тьфу ты. Тьфу ты, изыди, нечистая сила! – сплюнув, замечтавшийся юноша перекрестился, отгоняя срамные мысли...

А те не отгонялись, все сильнее в голову лезли! Хоть и в благостный, безлюдный да тихий, уголок забрался сегодня Афоня, а вот думалось почему-то вовсе не о благостной, отнюдь! То вспоминалось, как совсем еще малым подсматривал на реке за купающимися девками, то вдруг вставали перед глазами темные очи Митаюки, бывшей пленницы, а ныне – жене одного из самых уважаемых казаков – Матвея Серьги. Хотя... какой жене? Что она, Митаюки эта, крещение приняла, веру свою бесовскую отринула? Да нет ведь! И свадьбы потому никакой не было, просто жил с ней справный казак Серьга во грехе и блуде, крестом животворящим не освященном. То же самое про другую полоняницу можно было сказать – про Митаюкину подружку Тертьятку, та с Ухтымкой жила, молодым совсем парнем, чуть старше Афони. Наверное, и он, Афоня, мог бы полоняницу присмотреть, да...

– Господи, Господи!!!

Бросив уду, молодой пономарь опустился на колени в траву и принялся громко молиться, время от времени осеняя себя крестным знаменем и кланяясь.

– Господи Иисусе Христе... прости мя, грешного, ибо погряз в мыслях своих во блуде... Господи...

Затаившаяся в кусточках ведьма Нине-пухуця, давно уже подкрадываясь к ничего не подозревавшему юноше и коварно внушавшая ему самые греховные мысли, вздрогнув, отпрянула. Ну, вот оно! Снова какой-то глупый бледнолицый дикарь вышел из-под ее контроля, едва только обратился к своему могущественному божеству. Силен был Бог русских, приявший мученическую смерть за всех людей – именно так рассказывал шаман Амвросий, и именно это никак не могла понять старая ведьма. Как так? Позволить себя распять? Да какой же это

бог? Боги должны быть сильными и злобными, так, чтоб одним видом своим вызывать страх и священный ужас. Как великое божество солнца, как богиня смерти с лицом-черепом, как...

Ага! Кажется, уже можно...

Дождавшись, когда парень закончит молиться, Нине-пухуця ухмыльнулась и, скромно опустив очи долу, сделала шаг вперед...

Услыхав за спиной треск кустов, молодой человек резко обернулся, схватившись за висевший на поясе нож... И тут же расслабленно перевел дух, увидев перед собой юную красавицу деву, невысокую, худенькую, приятно смуглявую, с блестящими темно-кариими глазами и черными, распущенными по плечам волосами. Одета дева была в узкие ненецкие штаны из замши и такую же безрукавку, коротенькую, призывно оголявшую темный пупок.

– Прости, что помешала тебе молиться, – подойдя ближе, скромно поклонилась обратившаяся в молодку Нине-пухуця. – Я не хотела, просто так вышла... гуляла вот, и...

– Кто ты? – пономарь удивленно хлопнул глазами. – Что-то я тебя не припомню.

– А я из полона, – улыбнулась девица. – То прихожу, то ухожу. Нас же никто не охраняет.

– Да, это верно, – Афоня согласно кивнул и, глянув на обнаженный пупок пленницы, невольно сглотнул слюну.

И тут же обратился к Богу, пусть мысленно, но и того было достаточно, чтоб у старой Нине-пухуця едва не пропали силы, так что Афоня вдруг увидел вместо красивой молодки страшную морщинистую старуху. Увидел... правда, только на миг.

– Я хотела узнать о вашем боге... – улыбнулась ведьма. – А потом – и принять крещение. Это можно?

– Это нужно!

Пономарь задохнулся от неожиданной радости – ну, вот, вот хоть эту крестить, для начала, а там...

– Расскажи мне о вашем боге, – взяв парня за руку, шепотом попросила молодка. – Сядем вон там, в мох... там хорошо будет.

Афоня уселся первым, вытянул ноги, с волнением готовясь к рассказу... Перед глазами его, затмевая все благостные мысли, вдруг очутился голый живот девы, плоский, с черной ямочкой пупка. Узкие замшевые штаны начинались довольно низко от лона, обтягивая бедра так, что юноша даже отпрянул... правда, тут же пришел в себя, чувствуя, как по всему телу прокатывается бурная горячая волна. Ах, эта кареглазая дева, дева... Волосы, тонкие нежные руки, гибкий стан... О, Боже, Боже...

– Ой! – вдруг вскрикнула молодуха. – Меня, кажется, кто-то укусил. Прямо между лопатками. Чешется – ужас как. Посмотришь – что?

Повернувшись спиной, полоняница без всякого стеснения скинула безрукавку, обернулась:

– Ну?

– Да вроде ничего нет... – переглотнул Афоня.

– А ты почеши... Вот, меж лопатками...

– Здесь?

– Ага... Теперь ниже... ниже...

Словно во сне, пономарь провел ладонью по смуглому девичьему телу, чувствуя исходящий жар...

– Теперь погладь мне плечи... стан... – тихо скомандовала молодка. – А сейчас...

Она внезапно повернулась – по пояс нагая, стройная, с тяжелой налитой грудью. Улыбнулась, склонив голову, глянула исподлобья лукаво...

– Потрогай! Погладь!

Не попросила – потребовала, и молодой человек подчинился сему приказу тотчас же и с большой охотой, даже не вспомнив о том, что это вообще-то грех и... Да, грех! Но такой... такой вожделенный, сладкий...

Ощутив меж пальцами твердую упругость соска, Афоня зарычал, словно дикий зверь, чувствуя, что еще немного, и он не выдержит, взорвется, словно выстрелившая пушка... И дева – он видел по ее глазам – тоже почувствовала это – быстро скинула штаны с него и с себя и, обхватив парня за плечи, потащила за собой в мягкий мох, в томный жар лона... Юноша застонал, задержался, изогнулся дугою, почти не чувствуя под собой гибкое девичье тело, ощущая лишь томный жар, жар пылкой страсти и внезапно нахлынувшей плотской любви.

– Где отец Амвросий? – Вопрос, заданный тихим бесцветным голосом, словно сам собою возник в мозгу. – Он уплыл на лодке, да?

– Да, уплыл... Тут есть небольшой островок... пустынь... Я могу отвезти.

– Отвези!

– Только... только надо взять лодку...

– Иди и бери. Скажешь – отправился за рыбой. А я подожду тебя здесь.

Ошкурив толстый сосновый ствол, отец Амвросий отложил топор в сторону и, вытерев выступивший на лбу пот, уселся на бревно отдохнуть. Устал, хоть и работалось в охотку, в радость – строили с Афоней пустынь, часовенку, где можно было бы, отрешась от всех дел, без спешки и суеты подумать о Боге. Именно так – без спешки и без суеты... и без этой чертовой греховодницы, что взялась неизвестно откуда и пристала словно репей. Ах, дева...

Невольно закрыв глаза, священник, словно наяву, представил пленительные изгибы тела молодой темноокой красавицы – налитую грудь, крутые бедра, играющий на бронзовой коже свет полной луны...

– Господи, Господи!

Вскочив на ноги, отец Амвросий схватился за топор и, изнывая от пота, работал без устали почти до самого вечера, так, что только щепки летели. Сил не жалел, иногда лишь давал себе небольшой отдых, и тот – для молитвы. Лишь бы выгнать из головы греховные мысли, настроиться на путь истинный, благостный...

И все же, и все же, иное было перед глазами. Закроешь очи – тут же перед тобой жаркие женские губы, глаза... откроешь – валявшиеся рядом камни вдруг девичьей грудью покажутся, а темные заросли ежевики – лоном... Ох. Прости, Господи, грехи наши тяжкие!

– Отдохни, отче. Я тебе попить принесла.

Вот снова! Снова она! Так проклятая... бесовская... желанная!

Как всегда, явилась внезапно, неизвестно откуда, чтоб в неизвестно куда уйти. Томный взгляд, нагое, полное волнующей неги, тело, лишь на бедрах узкий, едва прикрывающий лоно, вышитый пояс.

Подойдя, дева протянула плетеную флягу:

– Пей! Умаялся ведь, я вижу... Не бойся, здесь просто вода.

Колыхнулась грудь, молодая, томительно упругая, с торчащими коричневыми сосочками, коих так тянуло накрыть губами, так...

– Пей, милый... пей...

Отрывая взгляд от голой груди девы, отец Амвросий схватил баклажку обеими руками и, захлебываясь, выпил почти до дна, остатки же вылил себе на голову, на мокрую от пота рубаху.

– Сними рубаху-то. Простиру.

Господи-и-и-и...

Священник с тоской махнул рукою, чувствовал – не устоять, хоть и противился соблазну, противился из последних сил...

– А я вот бедро ссадила, покуда шла. Болит теперь... потрогай, вот прямо здесь. Вот-вот... выше... погладь, погладь, мне так легче. Знаешь, когда ты гладишь – уходит боль... Руки подними... ну! Сказала же – постираю... Давай...

Нежные женские руки, стянув рубаху, ловко обвили могучий торс... упругие до вожделенья соски уперлись в пламенеющую жаром кожу... упал под ноги скрывающий лоно поясок...

– Изыди, изыди... – прошептал про себя отец Амвросий...

Прошептал вовсе без пыла, без ненависти, а как-то так, словно бы понарошку – обычай, мол, такой...

Теплые девичьи ладони скользнули ему в штаны, сомкнулись губами губы... И – словно искра, словно молния – бах!!!

Оба желали одного и того же, оба слились, и страстные объятия темноокой девы накрыли несчастного священника с головой, как незадачливого пловца накрывает бурное море, навсегда утаскивая в синюю холодную глубину. Бесовская распутница, прильнув, уложила отца Амвросия наземь, в траву, хохоча, уселась, словно наездница... и свет померк в глазах... Только дыхание, шелковистая кожа, тугая грудь...

Бесовка, бесовка!

Чуть отойдя от томного ужаса пленившей его страсти, священник пытался было вспомнить о Господе... увы! Распутница не дала! Только ее образ – такой желанный, зовущий, знойный – стоял сейчас в голове отца Амвросия, и больше там не было места ничему.

Ах, как игриво распутница вскочила на ноги, повернулась, маня за собой в лесок... И священник пошел, побежал даже, нагнал, ощутив во рту соленый вкус поцелуя, и теперь уж уверенно взял дело в свои крепкие руки:

– А ну-ка, повернись... нагнись...

Гибкая, с бронзовой кожей, спина... погладить, провести сверху вниз ладонью, поласкать плечи, лопатки, стан... и ямочки, ямочки у копчика... А теперь склониться, потрогать грудь, ощутить призывную твердость сосков... зовущую влажность лона...

Отец Амвросий вернулся в Троицкий острог на лодке вдвоем с Афоней – парень как раз приплыл за ним, уже назавтра казаки собирались отправлять струги в Печору – все ж, по здравом разумении, решили не одним обойтись, как раньше думали, а двумя – и теперь нужно было срочно собирать круг, решать, кому идти.

Куда же делась темноокая распутница-дева? А пес ее... Ушла, как пришла. Да вопрос сей покуда смущенного священника не занимал – другие дела имелись. И дела – серьезные!

На кругу, вольготно собравшимся возле острога, первым, как водится, выступил сам атаман Иван Егоров сын Еремеев – высокий, светлоглазый, красивый, с едва заметным белесым шрамом на правом виске – следом стрелы вражеской.

– Если помните, решили мы еще во прошлости отправить Строгановым купцам струги с добром – злата не слать, рыбий зуб да кость товлыжью. Тако?

– Тако, атамане! – возбужденно загудели казаки. – Помним.

Захваченное у колдунов золото, конечно, отправлять Строгановым не хотели – вдруг да купчины еще другую ватажку в эти края пошлют, а тут и самим мало! Так – и совершенно справедливо! – мыслили все казаки: и умудренные годами, и еще совсем молодые, сопливые. Хватит со Строгановых и кости товлыжьей да рыбьего зуба – и так внакладе не будут.

По вопросу ясака, таким образом, никаких разногласий не имелось, проблема состояла в другом – кого послать? Тут особо проверенные люди нужны, особо надежные, чтоб никто не проговорился случайно, не сболтнул ненароком о золоте.

– Кому плыть – решайте, козаче!

Ганс Штраубе тут же предложил в старшие Матвея Серьгу, и тут с ним все согласились:

– Да, Матвей – казак опытный, справный. Надежа!

Все были за, а против неожиданно выступил один человек – сам Серьга. Вышел в круг, сорвал с головы шапку да, поклонясь казакам на все четыре стороны, молвил:

– За честь, козаче, спасибо! Одначе принять ее не могу – жена на сносях, хотел бы с нею быть, рядом. Но ежели, конечно, настаиваете, так не пойду супротив круга, а так... Вот бы Ганса Штраубе старшим – чем не добрый казак, хоть и немец?

– Я-то б и с удовольствием, – приосанившись, наемник тут же сник. – Однако ж, доннер-веттер, вы, казаки, характер мой знаете! Я человек прямой, горячий... вдруг да Строгановы с лестью какой да с хитростью подкатывать станут, да подпоят еще... Не устою! Уж я себя знаю.

– Да и мы тебя знаем, Ганс!

Собравшиеся на круг ватажники зашумели: кто-то хвалил Штраубе, кто-то предлагал «кого помоложе», сам же немец выкрикнул в старшие Силантия Андреева.

– А чего, казаки, тут и думать-то? Силантий-то и так в старших ходит, опытен, деловит – ему и карты в руки.

– Верно – Силантий, – обрадовался Матвей Серьга. – Кто больше него в старшие подходит?

– Согласен, – атаман улыбнулся, искоса поглядывая на зардевшегося от оказанной чести десятника. – Однако же мы у него самого сперва спросим. Может, и у Силантия жена на сносях? А, Силантий?

– Да нет у меня никакой жены, – под общий смех отмахнулся Андреев. – А пошлете старшим... что ж... не откажуся. Надо так надо.

На том и порешили, да, избрав старшего, принялись за других. Путь предстоял непростой, дальний, потому главным кормщиком решили послать Кольшу Огнева, несмотря на то, что у того недавно родился сын. Все честь по чести, от супруги венчанной, белотелой рыженькой Авраамы.

Понимая, что тут уж без него никак, Кольша не кочевряжился, женой да дитем не прикрывался, просто попросил, чтоб присматривали, да пригрели в случае чего – что ему от лица всего круга и обещал атаман Иван Егоров.

Выбрав главных людей, казаки повеселели – дальше пошло куда легче: начали записывать охотников из числа молодых да тех, что хотел бы родную сторонку проводить – кто ране в вотчинах Строгановских проживал, родственников там имел да добрых знакомцев. Таких как раз на два струга и сыскалось, без обид: Ондрейко Усов – в числе первых. Были у него на Пустозере родичи, небогатые купцы. Приятель Ондрейки, Костька Сиверов, тоже вызвался было, да не пустили – атаман собирался новый струг ладить, а Костька, хоть молодой, однако же главным при этом деле был.

Взобравшись на крепостную стену, женщины – и русские, и сир-тя – с интересом поглядывали на казаков. Уж конечно же, баб на круг никто не позвал – еще не хватало с ними советовать. Не по обычаю то, не по жизни. Бабья доля детей рожать, да избу, хозяйство держать в справности.

Слышно было, как кричали внизу ватажники, потом вдруг затихали, кого-то слушали. А вот уже и начали расходиться. Первым к забору подбежал Маюни, заулыбался, помахал рукой зазнобе своей, Устинье-Ус-нэ. Маюни, хоть маловат еще, да враг всем сир-тя давний, Митаюки на дух не переносил, при одном виде ее кривился. А вот с Ус-нэ у молодой колдуньи отношения сложились добрые, почти что дружеские. Не такие, конечно, близкие, как с давней подружкой Тертятко, но все-таки.

– Силантия в старшие выбрали, да-а! – завидев на заборе томившихся в ожидании женщин, выкрикнул отрок. – Поначалу-то Серьгу хотели, да потом передумали...

Передумали... – Митаюки про себя хмыкнула. Знали бы все, чего ей это стоило! Отстоять Матвея, оставить его при себе – такого заботливого, верного... а главное – послушного. Вполне! Пришлось сказать, что беременна... наверное, и взаправду забеременеть придется,

родить – а то уже косятся на нее да Тертятко-нэ, худыми нероженками считают, не зная того, что высокородных девочек сир-тя с малолетства учили беременеть тогда, когда они захотят сами.

– Тыт-то хоть не уходишь с ними, Маюни? – нагнувшись поверх ограды, выдохнула Устинья.

Остяк помахал рукою:

– Не-а! Атаман сказал – здесь пригожуся. Кто еще речь колдовскую ведает, да-а?

– Ну, я ведаю, – улыбнулась Устинья. – И вон, Настя.

– Так не вас же в набег новый с собой брать? – резонно возразил отрок.

Не найдя что ответить, Устинья поплотней запахла кухню и вслед за Настей и прочими девами спустилась с заборола вниз, во двор острога, представляющего собой не что иное, как бревенчатую крышу устроенного «на первом этаже» ледника – хранилища для воды и провизии.

Ночь перед отправкой стругов Митаюки-нэ сполна использовала для страстных ласк, ублажая супруга так, что тот скоро позабыл обо всем на свете. Даже притупилась горечь от того, что избрали старшим – а ведь она была, горечь-то, несмотря на то что вроде бы сам отказался... Вот именно – вроде...

Темные глаза красавицы Митаюки-нэ пылали томной страстью, восхитительные изгибы ее нагого тела освещала выглянувшая в небо луна... и почти угасшее на ночь колдовское солнце. Матвей Серьга, млея, обнимал свою молодую жену... хотя, лучше б сказать – наложницу, ведь все же они не были венчаны. А юная колдунья старалась, делая то, о чем никогда бы не догадался лихой казак Матвейко... разве ж подумал бы, что можно вот так, сидя... А можно и этак, усевшись, повернувшись спиной...

– Ах, мила моя, любя...

Матвей с нежностью погладил сидевшую на нем красавицу по спине, чувствуя, как от изысканных любовных ласк улетает, поднимается куда-то в черное, блистающее далекими звездами небо.

– Ничего... – шептала про себя Митаюки-нэ. – Скоро, уже очень скоро я сделаю тебя вождем... А уж дальше – посмотрим. Великие боги черного солнца помогут мне.

– Я тоже тебе помогу, девочка, – подслушав мысли юной колдуньи, ухмыльнулась Нине-пухуця, нынче выбравшая себе в ночные утешители молодого пономаря Афоню. – Помогу... до тех пор, пока это мне будет надо. Народ сир-тя выродился и не должен иметь того, что имеет. Пусть возрождается – через кровь! Спи, спи, дурачок...

Ведьма в образе молодой девы погладила юношу по груди...

– Или ты, может быть, еще хочешь ласк? Так у меня их для тебя будет...

– Я даже не знаю, как тебя зовут...

– И не надо знать. Я для тебя просто – дева.

Едва слышно рассмеялась в темноте шатра старуха Нине-пухуця, через некоторое время тяжело задышал Афоня... дернулся, чувствуя, как трепещет в жарких объятиях молодое тело, как восхитителен вкус девичьих губ и сосков, как...

Жаркое лоно колдуньи приняло его, и юноша закатил глаза – волшебный миг опустошения был так близок...

Глава II

Весна 1584 г. П-ов Ямал

Золото и девы

Два доверху груженных мамонтовой костью струга отвалили от острова на рассвете, сразу же после торжественного молебна, устроенного отцом Амвросием со всем надлежащим тщанием и самой искренней верой. В небольшой церкви Святой Троицы собрались все, кто нынче отправлялся в плавание, остальные дожидались снаружи. Отстояв службу и причастившись, казаки пустились в долгий путь с легким сердцем. Кольша Огнев – за старшего, с ним еще один молодой казак – грамотный да умный Ондрейко Усов, на втором струге – точнее сказать, на первом – старшой Силантий Андреев, с ним Ондрей Зубатов за кормщика, тоже опытный человеце, хоть и в грамоте не силен. Афоня Спаси Господи – тоже послан, заместо священника, уж какой есть. Вдруг да в походе что? Отпеть кого – не дай бог! Или так, у Господа попросить заступы? Походу этому парень и рад был – искушение бесовское пушай тут останется, а там уж по возвращении... там видно будет!

Отец Амвросий молился за всех, молился и Маюни – отойдя в ельник, бил в свой бубен, едва не спугнув старую ведьму Нине-пухуця, пытавшуюся было отвести глаза юному остяку – да вот только не по зубам оказался ей этот смуглый русоволосый парень с глазами цвета еловой хвои – шаман, внук и правнук шамана...

– Уйди, уйди! Калташ-эква тебя забери, да-а!

Маюни отмахнулся бубном от вынырнувшей из-за елей тени – и та исчезла, пропала и лишь, злобно шипя, следила за уходящим к острогу отроком из-за старого, обросшего седым мхом валуна. Да, неожиданную силу почуяла в Маюни старая и злобная Нине-пухуця! Мальчишка явно мог быть опасен, и это следовало предусмотреть, избавиться от парня, как только подвернется удобный случай... или – лучше – самой этот случай и сладить, и тут могла бы помочь молодая и еще соплелосая Митаюки-нэ, вдруг возомнившая себя великой колдуньей. Да, девчонка талантлива, но ей еще учиться и учиться всему... далеко ей до Нине-пухуця, как луне до солнца! Впрочем, двум колдуньям сир-тя, оказавшимся среди белокожих дикарей, ссориться вовсе не нужно – себе дороже обойдется. Не-ет, тут надо действовать вместе, тем более пока так выгодней...

– Здравствуй, бабушка! – Митаюки-нэ выглянула из-за елки, словно бы давно поджидала ведьму...

– Пусть будет и с тобой благоволение великой Праматери Неве-Хеге, – как ни в чем не бывало улыбнулась Нине-пухуця. – Чую, отстояла ты своего защитника... Что-то от него хочешь, ага... А от меня что хочешь? Не зря ведь тут поджидала, да?

– Не зря, – честно призналась дева. – Дело у меня к тебе есть, славная Нине-пухуця. Очень важное и полезное для нас обоих дело.

Митаюки прищурилась и продолжила уже куда тише, хотя кто их мог подслушать здесь, в ельнике?

– Неизвестно откуда взявшаяся казачка Елена... и еще одна дева – вроде как из наших, из сир-тя, но тоже непонятно откуда... Это ведь все ты, бабушка?

– Самка гнилозубого спинокрыла тебе бабушка! – зло хмыкнула старая ведьма.

– Ой, прости, – девушка поспешно поклонилась. – Я вовсе не хотела обидеть, клянусь.

– Вижу, что не хотела... а чего хотела – не говоришь!

Митаюки вдруг улыбнулась:

– Так ведь сказала уже почти. Все эти девы... ну, которые – ты...

– А-а-а! – покивав, довольно протянула Нине-пухуця. – Вон чего ты замыслила... Недурно, недурно. Поглядим только, что из всего этого выйдет.

– Так ты, уважаемая, поможешь?

– Помогу, помогу, зря-то глазищами не сверкай. Иди уже. Все как надобно слажу...

Дева недоверчиво сверкнула глазами:

– Откуда ты зна...

– Да уж знаю! Иль ты думаешь, в мое время в доме девичества хуже, чем тебя, учили?

Старая ведьма пригладила седые космы и почмокала губами:

– Помню я, как ты водицы мне подала. Одна... из всех. Помню. Ступай, сказала. Сделаю все, как надо.

Митаюки-нэ и сама не стала сидеть сложа руки – дождавшись, когда дражайший супруг уйдет с другими казаками в море за рыбой, быстренько выбежала во двор, сварила приворотное зелье – маралов корень, клевер с душицею припасла заранее, теперь осталось волос и кровь раздобыть. И главное – быстро все сделать, быстро, тем более что и случай удобный представился – с обеда все женщины чистили остатки вчерашнего улова – коптить да солить.

Собрались на просторном дворе острога, под солнышком, защищенные от пронизывающего морского ветра высокими стенами, уселись в ряд да принялись пластать ножами припасенную еще вчера рыбу. У всех получалось ловко – и у русских дев, и у сир-тя. Тертятко старалась – никто угнаться не мог, даже соседка – незамужняя девица Олена, статная, темноглазая, чернобровая, с тугой налитой грудью. Многие казаки на нее восхищенные взгляды метали, особенно молодой Семенко Волк, однако Олена никому не давалась, отказывала... потому что – дура, так дружно решили Тертятко и Митаюки-нэ. Уступила б одному, другому, и сама б довольна была, и вообще могла бы словно знатная женщина жить, а так... Хотя рыбу-то в остроге нынче все чистили, не чинясь, даже жена атамана Настя.

Шваркнув на подстеленную рогожку кровавые рыбы кишки, Митаюки припрятала в рукав острую косточку, да, выждав, когда как сидевшая рядом Олена опустила руки в таз – сполоснуть, – сделала то же самое, ловко уколов деву костью. Олена и значения этому не придала – подумаешь, поцарапалась, бывает.

А колдунья юную кровь чужую ладонью своей накрыла, дабы случайно не смыть, сунула незаметно косточку за рукав кухлянки (а уж волос-то Оленин вытащить и вообще никакого труда не составило), потом, как смугленькая Устинья – ее была очередь – начала возиться с обедом: костер, котел, и та же рыба, встала подмогнуть... потом отлучилась вроде бы за дровишками, сама же живенько в свой двор скользнула, очаг распалив, в котелке вскипятила отвар – колдовское зелье на мараловом корне, косточку окровавленную туда сунула, волос, заклинание прочла... И, в кувшинчик отвар перелив, из дому вышла.

Невдалеке, у воротной башни, прохаживался караульный, молодой казачина Кудеяр Ручеек, рябой, чубатый. Не вышло с дядькой Силантием на Печору-реку идти, да Кудеяр особенно-то и не рвался – чего зря ради туда-сюда мотаться – мало ли в остроге заботы? Тем более, может, и набег какой сладится – золотишко да полоняницы юные доброму казаку не помешают. Таких бы вот полоняниц, как вот эта Митаюка! Глазастенькая, курносенькая, крутобедрая... а уж титьки! На первых-то порах, сразу после пленения, кто ее только не пользовал, вот и Кудеяр тоже – с той поры, как видал Митаюку, ухмылялся, правда, давно уж не подмигивал охально – у бывшей пленницы нынче почти законный супруг имелся... пусть даже не венчанный – справный казак Матвей Серьга, уж с таким не пошутить.

Вот и сейчас, едва только показалась рядом Митаюка, Кудеяр Ручеек поспешно отвернулся, краем уха прислушиваясь к легким шагам... А они, шаги-то, за его спиной вдруг затихли. И вкрадчивый голос спросил:

– Не жарко в кафтане-то?

– Не жарко, – забыв про все опасения, с готовностью обернулся ватажник. Светлые глаза его жадно поедали девчонку... пока только глаза, но хотелось бы... и главное ж – было, было! Эх, если б не Матвей Серьга.

– На-ко вот, друже, испей! – Митаюки-нэ протянула парню кувшинчик с варевом. – Вкусный сбитень.

По-русски дева давно уже говорила очень хорошо, наострилась, как и подружка ее, Терятко, сожительница приятеля Кудеяра Ухтымки. Эх! И почему только Ухтымке так повезло? Зачем атаман девок пленных не стерег? Вот те убежали, теперь бы новых надо. А новых – значит набег. Так и то – давно кровь не тешили. Золота не добывали! Колдуны и позабыли, поди, что есть на свете казаки-ватажники! Даже и соглядатаев их на драконах летучих в последнее время не видно. То ли задумали чертовы язычники какую-то пакость, то ли выжидали неизвестно чего.

Мысли эти, случайно мелькнувшие в чубатой казацкой башке, пришлись Митаюки по нраву... правда, до них еще время-то не пришло, пришло – для другого.

– Пей, пей... вкусно?

– Да уж, – напившись, Ручеек утер рукавом губы. – Благодарствую, Митаюшка-нэ.

– На здоровье!

Вернувшись к девам, юная колдунья как раз поспела к обеду. Бросив недочищенную рыбу, женщины вымыли руки и уселись к котлу, хлебать ущицу. Дующий с моря ветер к полудню стих, стало заметно теплее...

«Тепло, тепло! – устремив взгляд в затылок Олены, Митаюки-нэ властно вторглась в разум ничего не подозревавшей женщины, быстро подавив всякое сопротивление и волю. – Тепло. Жарко. Надо идти за ельник, там хорошо, спокойно. Сбросить одежду, подставить потное тело ветру... идти, идти...»

Оставшуюся рыбу девы дочистили быстро и, в ожидании возвращения казаков, разбрелись по своим делам, кто куда. Олена же, поправив толстую косу, быстро зашагала к воротам.

Завидев ее, Кудеяр Ручеек неожиданно для себя вздрогнул, словно пораженный молнией в самое сердце! Ах, Олена, Олена! Черная коса, темные, с поволокою, очи, крутые бедра, налитая грудь...

– Далеко ль собралась, красуля?

– К ельнику. Там хорошо сейчас. Спокойно. Пусто.

Проводив взглядом удаляющуюся казачку, Ручеек едва дождался сменщика, узколищего Онфима. А сменившись, тотчас же выскочил за ворота, зашагал к ельнику, ускоряя шаг...

Тем временем остальные ватажники возвратились с уловом, живо перетаскав добычу в ледник. Работали быстро, когда управились, еще и вечереть толком не начинало.

Молодой, себе на уме, казак Семенко Волк первым делом поискал было давнюю свою зазнобу Олену, да, не найдя, озадаченно прислонился к стене атаманской избы. Кого-то окликнул, кого-то спросил... уже и не помнил, кто подсказал, где отыскать зазнобушку. Помнил только, что женский голос был – в ельнике, мол, ищи.

В ельнике так в ельнике. Чего еще молодому парню делать? Надел Семенко справный кафтан синего немецкого сукна с оторочьем, опоясался кушаком нарядным, да, шапку на затылок сдвинув, пошел...

До ельника парень добрался быстро, ништо тут идти-то, да, подходя уже, вдруг услышал голоса... точнее сказать – мужской голос, ласковый такой, нежный...

Предчувствуя недоброе, Семенко Волк осторожно раздвинул рукой еловые лапы, глянул... и замер, сам не свой! В густой траве, на опушке, возле больших камней, лежала нагая Олена, а рядом с ней присел какой-то наглый казак... вот уже взял деву за руку, что-то сказал... сам себе засмеялся. Олена же никак на то не ответила, лежала, словно бы неживая...

– Ах ты, гадина! – узнав Кудеяра, выскочил из-за елки Семенко.

Да, выхватив саблю, ударил наотмашь... если б не слишком ловок оказался Кудеяр, так покатила бы по камням чубатая голова!

– Ах, ты так? Саблею? – разозлясь, Ручеек тоже схватил саблю...

Казакки уставились друг на друга ненавидящими глазами, со звоном скрестились клинки.

Кондрат Чугреев – или просто Чугрей – казак не из особо молодых, но осанистый, сильный, похлебав из котла ушицы, спустился с башни во двор... и на заборе вдруг увидел неопи-сваемой красоты деву! И не какую-нибудь местную круглоголовую смуглявку, нет – настоя-щую русскую бабу: полногрудую, статную, со светлой косой и пронзительно голубыми глазами. Такую, какую когда-то любил. Ту Авдотьёю звали, а эту...

Откуда она здесь взялась – такая мысль и в голову казаку не пришла, на то уж Нине-пухуца постаралась, да, с забора спустившись, поманила Чугреева за собой, за ворота...

– Идем, милый, идем...

И пошел, побежал справный казачина Кондрат Чугреев, словно ведомый на веревке телок! Что интересно, казак-то шагал быстро, размашисто, а голубоглазая дева вроде как шествовала плавно, не торопясь... и все же никак за ней было не угнаться.

– Эй, эй! – потеряв деву из виду, в отчаянии закричал Кондрат.

А в ответ прозвучало:

– Здесь я!

И послышался далекий смех.

Положив топор, Костька Сиверов, не так давно получивший от казаков почетное про-звище – корабельщик, любовно погладил ладонью шпангоут будущего струга. Еще вот здесь досками обшить, и здесь... потом обтянуть шкурами, поставить мачту, сшить из оленьих шкур парус – и готов корабль, пусть неказистый, да справный, надежный. Вот только парус – тут бы ткань лучше, полотно... Говорят, в колдовских селениях девки да бабы неплохо ткут. Сказать бы про то атаману, не забыть бы.

Потянулся казак, посмотрел на синее море, потом, повернувшись, глянул на золотистые – из лиственницы – башни острога, сияющие отраженным вечерним солнцем так, что было больно смотреть. И вдруг услышал девичий голос... словно бы звал его кто-то... А ведь и вправду – звал!

У моря, меж валунов, сидела во мху юная смуглянка-дева в узорчатой кухлянке из тон-чайшей замши. Гибкая, с тонким станом и тугой грудью, выпирающей из узкой кухлянки так, что были хорошо заметны соски. Столь же узкие и тонкие штаны еще больше подчеркивали аппетитные бедра, а глаза... глаза были такими, что молодой корабельщик позабыл все на свете!

– Помоги... – улыбнувшись, попросила дева. – Я ногу подвернула, похоже...

– Сейчас, сейчас посмотрю! – Сиверов с готовностью опустился на коленки.

Незнакомка улыбалась так, что у парня захолонуло сердце:

– Здесь сыро, холодно... отнеси меня вот хоть туда, в траву...

Подхватив девушку на руку, Костька явственно ощутил под тонкой кухлянкой молодое гибкое тело, почувствовал, как пробежал по коже жар... спросил враз севшим голосом:

– Туда... куда хочешь...

Сверкнули, отнимая душу, глаза, и призывно открытые девичьи губы вдруг чмокнули парня в щеку... а затем – сразу – и в шею... и в губы...

– Вот, вот... здесь... сюда...

Желтые солнышки одуванчиков тихо покачивались среди густой зеленой травы и кар-минно-сиреневых соцветий кипрея, дувший теплый ветерок совсем утих, сладко пахло клеве-ром и еще слаще – любовью.

– Милая моя... – стаскивая с девчонки кухлянку, обомлело шептал Сиверов. – Какая ж ты краса... краса...

Руки его гладили вожделенное девичье тело – сначала спину, живот, потом поднялись выше – к груди, и, поласкав твердеющие соски, скользнули вниз, к лону...

Незнакомка вовсе не была против, нет-нет! Позволила поласкать себя, снять кухлянку, торбасы, штаны... Костька и сам не понял, как испытал миг сладострастного наслаждения слишком уж быстро, куда быстрее, чем хотелось бы, и оттого вдруг почувствовал какую-то неловкость и даже вину перед этой черноокой незнакомкою, такой красивой, желанной и, кажется даже, уже родной.

– Ничего, – все с той же улыбкой успокоила девушка. – Это не страшно, что быстро. Просто ляг, отдохни... Ведь мы никуда не спешим, верно?

Сиверов тоже улыбнулся в ответ, нежась в лучах черных, с изумрудными искрами, глаз, млея от прикосновений шелковистой кожи.

– Ляг, ляг... вот так... Закрой глаза и ни о чем не думай.

Мелкие травинки щекотали спину, а небо над головой казалось светлым и радостным... да не казалось, таким и было... и так приятно было лежать здесь, нежиться на ковре из дурманящих трав и клевера...

Протянув руку, Костька сорвал одуванчик, провел им по губам красавицы... та тихонько засмеялась, фыркнула:

– Закрой же глаза... ну!

Казак послушно смежил веки... чувствуя, как пробежали по его груди нежные женские ладони...

Ощущая нарастающее желание, Сиверов все же не выдержал и смущенно ойкнул... И тут вдруг услышал чей-то грубый окрик:

– Эт-то что это тут деется-то, а?

Тут же распахнув глаза, Костька удивленно вскрикнул, увидев у своих чресел не красивую смуглянку, а вполне себе белокожую деву с тугой литой грудью и глазами цвета весеннего неба.

А кричал-то – Чугреев Кондрат, видно было – злой, распаленный!

– Помоги! – вскочив на ноги, бросилась к нему голубоглазая дева. – Это он все... – она ткнула пальцем в ошарашенного от всего случившегося Костьку. – Он! Обманом завлек, насильничал... заставил... Помоги!

Белокожая нагая красавица бросилась Чугрееву на шею. Тот приосанился, и, левой рукой обнимая девчонку, правой выхватил из-за голенища нож.

Видя такое дело, корабельщик тоже схватился за кинжал, в отчаянии выкрикнув:

– А где же та, темненькая?! Где? Куда дели? Ах вы... вы это все сноровку! Сноровку подстроили! Ну, Чугрей!

В это самое время атаман Иван Егоров, лично осмотрев отнесенные на ледник плетеные корзины с рыбой, отправился на верфь, глянуть, как там дела со стругом. Иван понимал, конечно, что слишком уж часто на верфь заходит, интересуется – так то и верно, Костька-то Сиверов хоть и знающ, да молод еще, а молодежь, она молодежь и есть, ей, кроме дела, еще и развлечения всякие подавай – пляски-хороводы и все такое прочее. Много, много в остроге молодых парней было, и за каждым был нужен пригляд – ну, да темдесятники занимались – опытные справные казаки, каким палец в рот не положишь. С другой стороны, и молодым казакам тоже нужно было бы оказывать доверие, Егоров и сам-то еще не стар был... куда уж стар, с молодой-то женою!

Строящийся струг, похожий на выброшенного на берег и обглоданного волками кита, был хорошо виден еще от самого острога – на фоне светлого неба чернели шпангоуты-ребра, виднелись горы щепок и заготовленный для обшивки лес, который еще нужно было расколоть на доски – в те времена доски именно что кололись, пилорамы появились позже.

Сам «главный корабельщик» Костыка Сиверов обычно дневал и ночевал возле своего детища, вот только сейчас вокруг корабля что-то никого видно не было, и это показалось атаману странным.

– Эй, Костыка! – подойдя ближе, громко позвал Иван. – Ты где есть-то?

В ответ никто не откликнулся, однако невдалеке вдруг послышался какой-то шум, крики... Атаман обернулся, увидев бегущих от ельника парней – двух молодых казаков: Никодима с Евлампием.

– Эй, казаче! – Егоров помахал парням рукою. – Чего орете-то?

– Беда, атамане! – Один из казаков – Никодим – машинально пригладил растрепавшиеся на бегу волосы. – Тамо, за ельником, Чугреев Кондрат с Сиверовым Костыкою драку на саблях затеяли!

– А Кудеяр Ручеек – с Семенкой Волком вот-вот не на жисть, а на смерть схватятся! – захлебываясь, продолжил Евлампий. – Мы случайно увидели, хотели разнять, да куда там! Едва сами саблями не получили!

– Так, говорите, дерутся?! – резко переспросил атаман.

– Не... еще начинают только.

Сплюнув, Иван тут же послал парней за отцом Амвросием, сам же, придерживая саблю, со всех ног бросился к ельнику, не обращая внимания на бьющие по лицу ветки и чавкающую под ногами болотную грязь. Успел, слава богу, вовремя – Чугреев с Сиверовым уже успели обменяться ударами и теперь кружили друг против друга со сверкающими клинками в руках. Невдалеке от них, на другом краю опушки, ругались Ручеек с Семенкой Волком. Ругались, но в драку покуда не лезли – меж ними, увещевая обоих, стояла скалой осанистая казачка Олена.

– Тыфу ты, черти поганые! – в сердцах выругался атаман. – Так и знал, что из-за баб все. Эй, казаки! А ну, сабли в ножны! В ножны, я сказал.

Со стороны болота донесся громкий голос священника:

– Угмонитесь! Угмонитесь, дети мои!

Отец Амвросий, встав рядом с Иваном, поднял над головой крест:

– Троическое явился поклонение, родителей бо глас свидетельствоваше тебе, Господи! Возлюбленного твоего сына именуя и дух в виде голубине! А ну, цыть! Именем Господним увещеваю!

То ли приказания атамана казаки послушаться не посмели, то ли увещевания священника на них подействовали, а только буяны все враз присмирели, да сабельки опустив, потупились. Тут как раз и немец Штраубе подбежал, с аркебузой заряженной да парой десятков казаков.

– Идем, – хмуро бросил Иван драчунам. – Се вечер круг соберем – о вас решати будем.

Круг собрали сразу после вечерни, у стен острога, на пустоши разложили большой костер. Сначала, по очереди, выслушали буянов – конечно же, все из-за баб вышло, из-за кого же еще-то? Молодых мужиков много, баб почти нет... то есть у кого-то есть, а у кого-то – у подавляющего большинства! – нету, оттого последние к первым завистью самой черной исходят. Именно так и заявил отец Амвросий – черной завистью, да призвал всех чаще молиться да помыслы свои гнусные в богоугодные дела направляти.

– Вот и я так говорю, доннерветтер! – поддержал священника немец. – Богоугодное дело нам, атамане, дозволяй! Давно мы колдунов не трясали, капища их поганские не разоряли! Острог, вон, выстроили – не разрушишь, не возьмешь. Да, славно, никакой вражина не доберется... Да только разве за этим мы сюда пришли? Я вас, казаки, спрашиваю!

– Нет, нет! – довольно закричали ватажники. – Не за этим!

Ободренный поддержкою, Штраубе продолжал дальше:

– Два струга мы ныне с ясаком к Строгановым, милостивцам нашим, послали, еще один струг строится, и еще два – есть... Так, может, один из них и дать молодым рейтарам? А, герр капитан? Чтoб пошли те в набег лихой, не токмо за златом, но и за девками красными!

– Вот, вот! – собравшиеся обрадованно зашумели. – Любо говорит немец, любо! За девками – верно!

– Девки-то колдунские красивы, ага!

– Ну? Так что скажешь, атамане?

Иван хмыкнул – на сию тему он как-то уже размышлял, и еще сожалел, что так просто отпустил полоняниц... хотя, конечно же, не отпустил, просто не приказал охранять накрепко. Теперь вот – расхлебывай. Что и говорить, без девок казакам плохо, чай, не монахи, этак и до открытого бунта недалеко, а потому предложение мекленбуржца оказалось как нельзя более кстати. Егоров и сам то же самое бы предложил, и конечно, общей воле круга не стал прекословить:

– Раз решили, казаче – так тому и быть! Дам струг... Ганс – набирай охотников.

– Любо, атамане, любо!

Ватажники закричали, забросали вверх шапки да гурьбой ринулись к Штраубе – записываться в «охотники».

– Эй, эй, – отбивался немец. – Куда вас столько-то? Струг столько людей не возьмет, а еще, не забывайте, девок обратно везти надо.

Тут же, на круге, выбрали и головного – для похода сего – атамана, Ганс хоть и лихой казак, да для такого дела никак не годился, уж больно горяч! Немец и сам хорошо понимал это, потому и от должности командира отказался сразу:

– Простым воином – пойду с удовольствием и назначенному старшему во всем помогать буду, святой Бригитой клянусь!

И в самом деле, задуманный поход, несмотря на всю его кажущуюся легкомысленность, должен был возглавить человек опытный, авторитетный, с холодной головой и расчетливыми мозгами... как, скажем, посланный с ясаком Силантий Андреев или сам атаман.

Уж потом и не вспомнили, кто первым выкрикнул Матвея Серьгу – то ли Семенко Волк, то ли бугаинушко Михейко по прозванию Ослоп – из-за оружия своего любимого, огромной, утыканной гвоздями, дубины – а только выкрикнули, и все согласно загомонили:

– Люб нам Матвей! Люб! Матвея – в старшие! С ним точно не пропадем!

Гордый оказанной честью, Матвей Серьга вышел на середину круга, встал, освещенный оранжевым пламенем костра, поклонился ватажникам, приложив руку к сердцу:

– Благодарю за доверие, казаки! Богородицей-девой клянусь – все для вас сделаю, доверие оправдаю.

– Любо, Матвей! Любо!

Взобравшись на мостки заборолы, вытянув шею, наблюдала за тем, что творилось на круге молодая колдунья Митаюки-нэ. Не столько слышала, что там происходит, сколько чувала, ощущала и поначалу улыбалась – все шло так, как она и задумывала... но – только поначалу. Поняли ватажники, что без дев им никак – передерутся, – набег замыслили – очень хорошо... а вот Матвея в старшие выкликнули совсем некстати! Вовсе не то замыслила волшебница-дева, вовсе не то! Матвей – верный супруг ее – должен был здесь, в остроге, остаться... да и остался бы, коли б... Коли б не молебен шамана Амвросия, коли б не мелкий пакостник-враг – остяк Маюни со своим бубном... Ишь, колотит! А русобородый шаман крестом сверкающим машет... Плохо Митаюки-нэ – чары-то ее не подействовали! А она так надеялась, что уберется в набег большая часть казаков во главе со своим атаманом... Увы! Просчиталась!

Девушка неожиданно улыбнулась, сверкнула глазами черными – уж что-то, а проигрывать она умела, умела и терпеть, и ждать...

– Что, не вышло по-твоему, Митаюки-некоця?

Ох, хитрющая старуха! И как она здесь? Откуда узнала? Впрочем, ясно откуда – колдунья же... не ей, Митаюки, чета! И обозвала-то... как маленького неразумного ребенка – «некоця»...

– А ты, Нине-пухуця, и радуешься? – Девушка зло обернулась.

– Глазами-то не сверкай, – тихо засмеялась старуха. – А вот совет мой выслушай: любое поражение можно обратить в дорогу к победе. Вот и обрати, Митаюки-некоця!

– Что-что? – сразу же задумалась дева. – Что ты сказала, бабушка? Эй, эй... ты где?

Напрасно звала! Исчезла старая ведьма, словно и не было, словно и не стояла она вот только что тут, на забороле. Честно сказать, не особенно-то она Митаюки и помогала, так... чуть-чуть, иногда – сама по себе была, свое что-то задумала – черное, губительное для всего народа сир-тя.

Но советовала она правильно! Поражение в дорогу к победе обратить надо – тут старуха права. Не получилось атамана с шаманом из острога убрать – ладно, надо думать, что другое получится? Что власти мужа – а через него, и ее, Митаюки-нэ, власти – поспособствовать может? А удачный набег – вот что! И в этом надо Матвею помочь, обязательно помочь надо, а для начала сделать так, чтоб супруг ее, женушку свою ненаглядную, с собой в поход взял. Как сделать так, юная колдунья хорошо знала, учили в доме девичества, а она не последней ученицей была!

Быстренько спустилась с мостков Митаюки, вбежала, забралась в башню на третий ярус – там пока жили, еще не в своей избе, – надела легкую кухлянку из тонкой оленьей шкуры, короткую – едва бедра прикрыть, – пышные волосы по плечам распустила, на ложе из мягкого мха возлегла, якобы спит – красивая, неудержимо-притягательная, желанная...

Вернувшись, муж сапоги сбросил, скинул кафтан да рубаху – и к ней:

– Ах, красуля моя, любя. Спи, спи...

Открыв очи черные, Митаюки лениво потянулась, да так, что кухлянка короткая выше пупка задралась, обнажив узкий, слегка прикрывающий лоно, поясok из змеиной кожи. Знала хитрая дева – не выдержит такого Матвей Серьга... да и кто б на его месте выдержал?

Прилег к молодой женушке добрый казак, погладил пупок, бедра... да, кухлянку задрал, дотронулся пальцами до сосков, поласкал, чувствуя наливающуюся твердость. Часто-часто задышала Митаюки-нэ, губу нижнюю прикусив, скинула кухлянку, встала напротив бойницы нагою – прекрасная юная дева. Улыбнулась, красу свою созная, да, опустившись на колени перед мужем, погладила его по груди... прильнула...

Ощутив неземное блаженство, Матвей погладил деву по волосам, пушистым и мягким, привлек к себе, чувствуя, как разгорается в нем волшебный жар вновь вспыхнувшей страсти...

– Ах, любя моя, любя...

Юная колдунья прекрасно знала, как ублажить мужчину, так, чтоб он всегда хотел одну лишь ее, чтоб только о ней и мечтал бы. Вот и сейчас, уложив мужа на ложе, уселась сверху, склонилась, провела твердыми сосками по могучей, в шрамах, груди... Казак застонал, и дева отпрянула... и вновь склонилась... и вновь отпрянула – игра, словно кошка с мышью, и от игры этой Матвею было сейчас приятно и хорошо, как никогда и ни с кем. Да, были в его жизни и молодые девки, и опытные в любви бабы... казалось бы, опытные, на самом же деле никто из них и в подметки не годился красавице Митаюки-нэ!

Ах, как она изгибалась, как запрокидывала голову, закатывала глаза, стонала, ничуть не стесняясь, хохотала, едва ль не царапая спину и грудь... Вот, постанывая, закачалась, словно цветок на ветру, колдовской и пряный цветок, цветок томной любовной страсти, страсти и неги. И эта страсть и нега... Матвею казалось, что каждый раз это было по-новому. Да не казалось! Так ведь и было!

Не в силах больше сдерживаться, казак выгнулся, задергался, словно норовистый конь под лихою наездницей, застонал... и дева откликнулась эхом, так что души обоих слились в истинном наслаждении, уносящемся к самом небу, к великим и могучим богам древнего народа сир-тя. Так считала Митаюки-нэ, Матвей Серьга ни в какие рассуждения не вдавался,

ему просто было хорошо, так хорошо, как никогда и ни с кем еще не было, и, наверное, не будет больше никогда.

Вскрикнув, обессиленная красавица рухнула на грудь своего любимого мужчины, прижалась крепко-крепко, прикрыла глаза... но вскоре открыла, поцеловала Матвея в губы, шепнула:

– Я хочу, чтоб мы были вместе. Всегда!

Казак погладил жену по плечу:

– Я тоже того желаю, любя.

– Ты уходишь в поход...

– Откуда знаешь? – хлопнул глазами Матвей. – Я ведь тебе и не говорил еще вроде.

– Об этом в остроге все знают. – Митаюки отозвалась уклончиво, глядя на мужа с лукавым прищуром. – Я так за тебя рада! Ты ведь будешь – настоящий вождь!

– Я тоже рад. – Серьга чмокнул супругу в щеку. – А еще рад – что ты этому рада.

Колдунья приподнялась на локте, глядя прямо в глаза мужа, и четко, почти по слогам, сказала:

– Я хочу, чтобы ты взял меня с собой.

– Но...

– Ты сам этого хочешь. Желаешь всей душой. Мы будем разбивать шатер каждую ночь... и каждая ночь будет ночью блаженства. Или – не будет. Если ты меня не возьмешь. Но ты возьмешь... ты ведь этого хочешь, хочешь, хочешь... Потрогай мою грудь... бедра... каждую ночь они будут твоими... каждую ночь... каждую...

– Но, любя... сама ж говорила – тебе скоро рожать.

– Вовсе еще и не скоро, – Митаюки-нэ фыркнула, поспешно согнав с лица гримасу недовольства. Вот ведь дура, ляпнула когда-то, что беременна – уж пришлось, – теперь вот расхлебывай! Может, прикинуться потом, будто бы будет выкидыш? Впрочем, там видно будет, пока же...

– Или сюда, милый... обними меня... крепче, вот так... Подумай... это будет каждую ночь, каждую...

Как ни странно, казаки против того, чтоб взять с собой Митаюки-нэ, не протестовали. Все ж она была не обычная простая баба, а сожительница (по сути – жена) уважаемого всеми казака, уже доказавшая свою преданность и умение противостоять злой воле колдунов. Все помнили, что прошлый поход закончился успешно во многом благодаря этой колдовской черноглазой деве! Так пусть ее берет старшой, коли так хочет, завидовать никто не будет – все в предвкушении. Совсем скоро таких вот юных дев будет у каждого казака по десятку... ну, пусть не по десятку, но будет же! Будут волоокие полоняницы девы, красивые податливые смуглянки, готовые на все.

Так верилось. Так должно было быть. И так – будет.

Казаки собирались в дорогу весело, с прибаутками, с шутками, почему-то никто не вспоминал злобные чары колдунов, страшных, послушных их воле, драконов и смерть. Плохое быстро забылось, а колдуны новый острог в последнее время не беспокоили, поняв, что совершенно безуспешно посылать на штурм мощной крепости тупоголовых дикарей менквов, годных лишь на то, чтобы покрушить врагам черепа, но не имеющих никакого представления о долгой и планомерной осаде. Да об этом и сами сир-тя никакого представления не имели, у них и стен-то никаких не было – на чары свои надеялись, не на воинов, не на стены.

В набег отправилось три дюжины казаков, на двух стругах – идти на одном было бы слишком опасно, – тем более что основную часть пути предстояло проделать по морю. Хитрый атаман Иван Егоров лично распланировал набег – ватажники должны были пройти на север до самой окраины, до мыса, там же высадиться и после короткой разведки быстро напасть – чтоб столь же быстро уйти, повернув на Большую воду, куда ни сир-тя, ни все их гнусное

колдовство уж никак не доберется. Кормщиком на головной струг избрали старого опытного казака Василия Яросева, вторым правил Сиверов Костыка – упросил взять в набег, а как же! Добыть золото, славу и девок – чего ж еще надо молодому парню?

Матвей Серьга уже с самого начала показал себя опытным командиром-начальником, первым делом развел всех недругов, поместив их на разные струги. Семенко Волк и Кондрат Чугреев пошли на головной струг, молодой Кудеяр Ручеек – на второй, к Костыке. Вторым стругом, кстати, командовал Ганс Штраубе, все ж поручили. Всегда веселый, длинноносый, с рыжеватым стриженным подбородком – бриться-то было неудобно – неунывающий мекленбургский кондотьер излучал из себя беспечно-уверенную победную радость, подобно тому, как от Матвея Серьги исходили спокойствие и надежность.

Отправился в поход и отец Амвросий – кому же крушить капища языческие, как не ему? И здоровяк Михейко Ослоп тоже был не прочь помахать своей дубиной, назначен был на второй струг – командочка там подобралась вполне себе зубоскальная, рыжему немцу под стать. Едва успели отчалить, как грохнули хохотом над Ухтымкой, что долго махал рукою провожающей его жене.

– Ай, Ухтымко! Одна жонка есть – ишшо и других надоть?! Добрый, добрый казак!

– Да ну вас, – смущался парень. – И не за бабами я вовсе.

– Правильно. Не за бабами. И не за златом. Так, рыбку половить.

Довольно далеко отойдя от берега, струги поймали тяжелыми парусами ветер и, вспенивая серые волны, ходко пошли на север. На носу второго – «зубоскального» – струга сидел Маюни и, призывая удачу, неторопливо бил в бубен.

Недалеко от Большой ледяной воды, на южном берегу почти идеально круглого озера, окруженного зарослями орешника, липы и пихты, почти впритык к лесу раскинулись хижины и дома славного селения Яранверг. Славного, потому что когда-то, давным-давно, в те времена, когда могучие колдуны сир-тя едва только зажгли свое волшебное солнце, именно воины Яранверга заслонили путь к святилищу великих богов хитрому и жестокому народу ненэй ненец, что посмели захотеть уничтожить незваных пришельцев. Ямал – край земли – так они называли это страну холода, снегов и почти вечного мрака, обретшую новую жизнь благодаря гению и чарам сир-тя. Колдовское солнце дало новую жизнь всем – и растениям, и животным, появились, размножились, оправались от вечной мерзлоты совершенно невиданные твари – зубастые рыбы-змеи, хищные драконы, устрашающие, но травоядные длинношеи, яйцеголовы и трехроги, выкусные спинокрылы... да мало ли, всех и не перечислить – и все они подчинялись доброму и спокойному колдовству сир-тя. Так говорил великий Нгар Сэвтя – главный шаман селения, насчитывающего около сотни жителей, настоящий город, не какая-нибудь захудалая деревуха, что горстями разбросана ближе к югу по всем протокам. Честно говоря, обитатели Яранверга считали всех южных жителей неженками – ну, как же, у них же там всегда жара, круглый год можно ходить почти без одежды и ни о чем не заботиться. Впрочем, и здесь ни воины, ни простые люди ни о чем не заботились – обо всем заботились избранные, старейшины-колдуны. Нгар Сэвтя и его приближенные – еще двое мужчин и три женщины – посвященные, колдуны. Остальные жители были обычными земледельцами, охотниками, воинами. Четыре лета назад на побережье неожиданно появились старые враги – ненэй ненец. Приплыли на своих узких лодках, били моржей, но внутрь полуострова благоразумно не совались, правда, великий Нгар Сэвтя все же послал туда тупоголовых менквов – и те устроили бы побоище, если б ненэй ненец не сбежали. От разочарования – не получили в этот раз вкусного мозга! – менквы долго выли и даже – как только старейшины ослабили контроль – попытались было напасть на поселок. Обнаглели вконец, потеряв остатки разума и страха... впрочем, разума у этих тупоголовых тварей не было отродясь. Прорвались, выбежали из лесу, пользуясь тем, что серенный оберег был наложен давно и, как выяснилось, неважно... выбежали, покидали

камни... И тут же были скормлены озерным ящерам – нуерам – вот уж у кого было хорошее пиршество!

Ясавэй хорошо помнил это, хотя в ту пору ему едва минуло двенадцать, и двери дома воинов вот-вот должны были открыться перед ним и перед его приятелями, таким же молодыми парнями. Правда, Ясавэй все ж таки выделялся среди других. Нет, он не обладал колдовской силой, что была доступна очень немногим, но имел кое-какие способности – скажем, мог точно определить дорогу в любой чаще и никогда не блудил – потому и прозвали Ясавэй – «знающий путь», – а также, если сильно напрячься, еще мог приказывать совсем уж простым тварям, типа спинокрыла или нуера – на хитрых и злобных волчатников силы уже не хватало, не хватало и на менквов, увы. Но все же, все же кое-какие способности у Ясавэя имелись, и если б их развивать, то, может быть... Нет, здесь, в родном селении, вряд ли можно было б достичь чего-то – в том как-то признался и сам Нгар Сэвтя – а уходить куда-то далеко Ясавэй и сам не хотел: к чему расставаться с друзьями, с родичами, со знакомым лесом и озером? Ведь здесь все родное, свое, с детства привычное и милое сердцу! Хотя, да, зимой с севера часто дуют злые ветра, настолько холодные, что даже нуеры и волчатники, чуя промозглую непогоду, еще осенью убираются куда южнее и возвращаются в здешние леса лишь весной, с первой травой и первой соловьиной трелью. А еще зимой иногда выпадает снег! Белый, пушистый, холодный! Он тает в ладони, а если взять побольше, то можно слепить снежный камень и, шутя, кинуть в кого-нибудь. Таким камнем ведь никого не убьешь, рассыплется на мелкие холодные осколки, на снежные брызги, как их называет хохотушка Ябтако-нэ, смешливая стройняшка с глазами, как звезды. Жаль, очень жаль, что она приходится Ясавэю сестрой... здесь, в селении, все друг для друга – сестры-братья, а жен воины берут в селении Даргаян, что лежит в двух днях пути к югу, за большой рекой Ехур-ця. Туда же отдают замуж девчонок, как только те закончат обучение в доме девичества – сразу и везут на смотрины, а потом – замуж. Так что выходит, два селения Яранверг и Даргаян – тоже родственники, но не близкие, жениться и выходить замуж можно. И все ж так жаль, что Ябтако – сестра. Ничего, еще пару лет – и в Даргаяне, на празднике Солнца и весны можно будет присмотреть невесту, хорошо б такую, как Ябтако – стройненькую и с глазами, как звезды. Ах, Ябтако, Ябтако...

Замечтавшись, юноша споткнулся о какой-то корень, едва не выронив из рук копье – вот-то был бы позор! То-то насмехались бы идущие позади друзья – Ваде, Ервико, Вавля и прочие. И так-то запереглядывались, заулыбались – и все потому, что Ясавэй был назначен над ними старшим. Старший над девятью воинами – пусть даже еще молодыми – это много стоило и много о чем говорило, родители не зря Ясавэем гордились! Вся его девятка нынче возвращалась с охоты, и охоты удачной – немало удалось настрелять и гусей, и уток, ни одну стрелу не потратили нынче зря, даже Вавля, уж на что увалень, а и тот проявил меткость.

Миновав выставленные в связанных меж собой кустах обереги на крови волчатников, юные воины вышли на северный берег озера, где остановились немного передохнуть, перевести дух, выкупаться – смыть пот и грязь. Не возвращаться же в селение грязными, дорога в дом воинов как раз идет через кленовую рощу, что у дома девичества! Глянут сестры, скажут – это что за грязнулы? Обидно будет, то-то.

– А слышали, парни, про краснобородых дикарей с бледной, как у поганки, кожей? – развалившись на бережку – обсохнуть, – снова начал свою песню рыхлоногий увалень Вавля.

Ясавэй презрительно сощурил глаза – ох уж этот Вавля! Все мечтает выделиться, не умением воинским, так сплетнями – мол, он в селении знает все!

– Да нет таких дикарей, – лениво отмахнулся длинный и мосластый, словно волчатник, Ваде. – Не бывает! Вечно ты скажешь всякую чушь.

Вот тут Ясавэй был с Ваде согласен!

Вавля, конечно же, вскочил и принялся распаленно махать руками:

– А вот и не чушь! Мне Ыртанга, вы его знаете, говорил. Что слышал, как про таких дикарей говорили в Даргаяне, туда кто-то приезжал, и в южных далеких лесах...

– Не смей ты людей, Вавля, – вмешался в спор Ясавэй. – В Даргаяне Ыртанге кто-то что-то сказал... а может, он сам какие-то сплетни услышал. Знаем мы Ыртангу – тот еще рассказчик!

Все ненадолго замолкли, невольно любуясь открывавшимся видом. Сир-тя всегда стремились селиться на берегах озер – и воды в достатке, и рыбы, и зверя, к тому же и красиво: закаты, рассветы – иногда такие красивые, что не отвести глаз. Сейчас, правда, не закат был и не рассвет, а где-то полдень, отражаясь в воде, в небе сверкало сразу два солнца, и росшие на берегу озера сосны отбрасывали длинные двойные тени, чем-то похожие на стремительные тела нуеров.

Вот, выбравшись из тенистой протоки, скользнули по тихой воде лодки – возвращались с уловом рыбаки, вот пролетел верхом на крылатом драконе кто-то из старейшин. Судя по всему, возвращался из какой-нибудь ближней деревни, в дальние – тем более, до Даргаяна, что в двух днях пути! – драконы не долетели бы, не столь уж были выносливы. Вообще-то иногда старейшины поднимались в небо и по другой причине – сторожили, выискивали врагов, но сейчас – очень долгое время уже – в округе было спокойно и никаких врагов не наблюдалось. Да и откуда им взяться-то, врагам? Получив четыре лета назад достойный отпор, ненэй ненец сюда с тех пор не совались, да сунься-ка – себе дороже выйдет! Вот и расслабились колдуны – да и к чему зря сторожить-то? Хватит и берегов на окраинах селения, да караулов из молодых воинов. Такой вот караул и должен был возглавить Ясавэй вот уже сегодня – нужно было уже возвращаться, и парень махнул рукою:

– Отдохнули? Помылись? Ну, все – идем.

Молодые воины быстро натянули узкие замшевые штаны (набедренные повязки в Яранверге носили редко, все-таки север, холодно, а вот короткие жилетки – чтоб было видно мускулатуру – жаловали вполне).

Вытянувшись в колонну, юноши быстро зашагали след в след за своим командиром, лишь у кустов облепихи со связанными верхушками замедлили шаг, тихонько прочтя молитвы. Там, в кустах, висел оберег из кожи волчатника, исписанный знаками тайной силы, заговоренный на кровь. Если вдруг явятся враги, оберег увлечет их на тропу смерти к замаскированным, утыканным острыми копьями и наполненным ядовитыми змеями ямам! Оберег сей – из кожи и крови волчатника – считался весьма своенравным и сильным, как и сам волчатник – зверь весьма противный, мерзкий, но, надо признать, умный и хитрый. Этаким недогусь, недоутка размером в полтора человеческих роста, с мощными – как у зубастого дракона – задними лапами и вытянутой, усеянной острейшими зубами, пастью. Волчатники считались опаснейшими ненасытными тварями и свою добычу упускали весьма редко. Вот и оберег... Вполне мог отправить на тропу смерти и своих, слава богам – Ясавэй кое-что умел. Вот и сейчас – помолился, что-то сказал, протянув к оберегу руки ладонями вниз. Постоял так недолго, потом резко обернулся к своим:

– Идемте! Осторожно шагайте, след в след.

Так и шагали, быстро и молча, пока впереди не показалась россыпь небольших, с дымящимися очагами, хижин, а за ними – обтянутый шкурой шипастого ящера храм с обширной вытоптанной площадью и столбом для пыток. Центр жизни селения, именно здесь, на этой площади перед храмом, решались все важнейшие дела. Впрочем, все всегда решали старейшины-колдуны, вовсе не нуждавшиеся в одобрении своих действий остальными жителями поселка.

Завидев родные дома, подуставшие за долгий путь парни приободрились.

– Эй, Вавля, глянь-ка – твоя бабушка что-то жарит!

– Верно, рыбу! – вытянув шею, Вавля облизнулся и шумно сглотнул слюну. – Доброго хорошего налима!

– Хэ, налим! Это ж разве рыба? Мелочь!

– Зато спинки из него какие вкусные! Особенно если хорошо закоптить.

– А ну, хватит болтать! – заметив у дома воинов широкоплечую фигуру военного вождя Хасавато, прикрикнул на болтунов Ясавэй.

Подойдя ближе к вождю, он остановился и вытянулся, отдавая честь копьем:

– Девять воинов Ясавэя приветствуют тебя, славный вождь.

– Хм... – вместо приветствия, с усмешкою буркнул Хасавато, коего все в селении знали, как человека жесткого и желчного, считалось, что именно такой воспитатель мальчишкам и нужен. – Вижу, добыча ваша нынче невелика. Всего-то десяток уток.

– Еще и гуси, и гагары – целый мешок.

– Угу, угу... Ладно, отнесите добычу на кухню и живо сюда. Ясавэй, надеюсь, ты уже разбил всех своих на тройки?

– Давно уже разбил, славный вождь.

Еще б не разбил! Если кто в этом и сомневался бы, так только желчный и никому не верящий Хасавато. Ясавэй прямо чувствовал исходившее от вождя презрение, прекрасно зная, что так старый воин относился ко всем, особенно к колдунам, за что те, имея на него зуб, конечно, давно бы вождя прищучили – кабы великий шаман Нгар Сэвтя с ним не прятельствовал да не пил длинными зимними вечерами хмельное питье из сушеных ягод и трав.

Ясавэй давно уже разбил своих воинов на дозорные тройки, первую – на самом дальнем рубеже – возглавил сам, в остальные назначил старшими надежных ребят, себе же взял Явлико и Вавлю, за которыми глаз да глаз нужен.

Зевнув, воспитатель юношей Хасавато кивком головы утвердил принятое решение, да особенно в него и не вдумывался – какая разница, кто там да где? Дозорные собрались быстро: взяли с собой луки со стрелами и короткие копья, прихватили вкусный кисель в плетеной баклаге, вяленое мясо спинокрыла да выпотрошенных гусей – на каждую тройку по одному.

Уводя своих товарищей в дозор, Ясавэй чувствовал гордость. Еще бы, когда-то, в давние времена, этим важным делом – охраной поселка – занимались почти исключительно колдуны, зорко вслушиваясь – не шевельнется ли где-нибудь мысль затаившегося, задумавшего недоброе дело, врага? Да, так было раньше, но не сейчас – в последнее время колдуны расслабились, разленились, да и мало их осталось в славном селении Яранверг. Кто-то умер, а кто-то – из самых мудрых – был призван в столицу.

В спину идущих на север молодых воинов ласково светили два солнца – обычное – чуть левее, и справа, почти по центру – Великое солнце сир-тя. Первую тройку выставили в зарослях густых, в человеческий рост, папоротников, вторую – у самого берега, третья же тройка, ведомая лично Ясавэем, добралась до дальней хижины лишь к ночи, когда волшебное светило угасло, на время превратившись во вторую луну, солнце же обычное почти всю ночь кружило по горизонтам, как и положено в долгий полярный день, заливая все вокруг призрачным желтовато-белесым светом.

Густые заросли папоротников и цветущих рододендронов, розовых и белых, сменили орешники, липа и клены, следом, ближе к северному холодному берегу, появились, качая на ветру мохнатыми лапами, ели. Далеко, далеко забрались, столь дальний дозор учитель Хасавато решил возобновить впервые за долгое время, наверняка дабы закалить молодых воинов, ибо с этой стороны никакого нападения ожидать не приходилось. Тем более имелись береги.

Еще у рододендронов Ясавэй краем глаза заметил пару волчатников – мерзкие твари чуяли возможную добычу, но ничего поделаться не могли – на тропу их не пускали береги и ежемесячно обновляемое заклятье. И все же коварные хищники упрямо шагали следом, не упуская из виду трех молодых воинов, шли почти до самых елей, лишь только там повернули

обратно из-за приносимой ветром промозглости. Сами юноши тоже замерзли и, добравшись наконец до места, сразу же разложили костер на вытоптанной около дозорной хижины поляне.

Вавля, согревшись, расслабился – вытащил из хижины гамак, повесил между деревьев.

– А ну, снимай! – сверкнув глазами, жестко приказал Ясавэй. – Явлико – лезь вон на ту сосну, видишь? Будешь караулить первым. Ты же, Вавля, наруби пока лапника – крыша прохудилась, надо бы покрыть – вдруг дождь? А я пока пройду проверю обереги... чувствую – что-то с ними не так.

Ясавэй действительно это чувствовал... то есть ничего не чувствовал, а должен был бы, ведь кое-какими способностями он все ж таки обладал. От оберегов тянуло бы надежностью и слабой кровью, однако, увы, как молодой воин ни прислушивался к своим ощущениям, как ни принимался – ничего такого не ощущал.

Младший из троицы – кареглазый Явлико, – скинув торбасы, проворно вскарабкался на высокую сосну, росшую невдалеке от хижины, и, примостившись там на удобно устроенной из веревок и хвороста площадке, не смог сдержать восхищения:

– Вот это да-а! Далеко видать. А красота... красота-то какая.

Сир-тя с детства учились видеть красоту во всем, любоваться солнечными закатами, игрой теней на восходе. Храмы и общественные дома тоже старались строить красиво, забывая про убогость хижин и чумов – как-то выделиться могли позволить себе лишь самые уважаемые мудрецы-колдуны.

– Что, далеко видать, да? – наломав лапника, запрокинул голову Вавля.

– Далеко, ух! – Явлико улыбнулся, свесив босые ноги вниз.

– Пятки лучше б помыл вон, в ручье, – хмыкнул его рыхлотелый приятель. – Грязные.

– Ничего. Сменяюсь – помою. Ты ведь меня и сменишь, да?

Вавля безразлично повел плечом:

– Может – и я. Или Ясавэй-нэ-я. Не знаю.

Ясавэй-нэ-я – парень нарочно присовокупил к имени своего старшего товарища и командира уничижительно-ласкательный суффикс «нэ-я», подчеркивая, что все они тут, в дозоре, равны... ну, почти равны, пусть так... а вообще...

– А вообще, не слишком ли наш Ясавэй-нэ-я раскомандовался? Подумаешь, дядька Хасавато его выбрал. И что? Так же мог и меня выбрать... или тебя.

– Не, не выбрал бы, – отозвался с вершины сосны Явлико. – Я из вас самый младший.

– Зато и самый ловкий! – польстил Вавля. – Вон как быстро на сосну забрался – я б так ни за что не смог. И Ясавэй – вряд ли!

Малолетний Явлико польщенно шмыгнул носом и засмеялся – все ж таки приятно, когда тебя хвалят. Пусть даже Вавля; от Ясавэя – тем более от Хасавато – похвалы вовек не дождешься.

– Ой!!! – Он вдруг посмотрел вдаль, в сторону могучего ледяного моря. – А оттуда туман идет. Да густой какой – скоро вообще ничего не будет видно.

– Не видно, и не надо, – негромко засмеялся напарник. – На что обереги? Сейчас Ясавэй их проверит, вернется... Эх ты ж, мать моя пухуце! Костер-то почти погас... Что ж ты не сказал, Явлико?

– Так разве ж я должен за костром следить? – резонно отозвались с дерева. – Погас, так разжигай, делов-то! Ой! Ох и туманище... а быстро его ветер несет, брр.

Подросток передернул плечами, словно предчувствуя, что совсем скоро – вот-вот – густой туман накроет всю округу промозглой пеленою, и здесь, на сосне, враз сделается весьма неуютно, холодно, сыро. Ну, воин на то и воин, чтоб терпеть все невзгоды, трудности закаляют мужчин. Делают их сильнее. Как говорил дядько Хасавато – «вы воины или маменькины хвосты, годные лишь на то, чтоб смотреть на девок, облизываться да выть по вечерам нудные песни».

Бросивший лапник Вавля тоже поежился, да принялся возиться с костром, торопясь и время от времени поглядывая на небо, на глазах затягивающееся клочьями плотного, вязущего, словно прогорклый кисель, тумана.

Пройдя по узкой охотничьей тропе пару сотен шагов, Ясавэй остановился, внимательно осматриваясь по сторонам. Где-то здесь, в густых зарослях орешника, черной смородины и рябины, и должен был располагаться первый оберег, по крайней мере, так говорил учитель. Где-то здесь... здесь где-то...

Сойдя с тропинки, юноша осмотрел кусты и деревья – каждое деревце, каждый куст, – искал что-то такое, что укажет на оберег... и нашел. Заметил сплетенные меж собой ветки, а за ними – суровые нитки, плетение и круглый кусок оленьей шкуры с пришитым золотым диском... Ничего от сего предмета не исходило, словно и не оберег это был вовсе! Но ведь – оберег, вот и знаки, и рисунки... и золотой диск... Может, крови мало было?

Встав на цыпочки, Ясавэй, дотянувшись до оберега, осторожно потрогал, перевернул... Пятна темной оленьей крови пропитали кожу надежно, никуда не улетучились, не растаяли. Вот они же! Тогда почему... Старый шаман Нгар Сэвтя слишком слабо наложил заклинание? Да нет, быть такого не может, ведь Нгар Сэвтя очень сильный колдун, не зря же его избрали старейшиной селения. Скорее уж, это у него, у Ясавэя, весь дар пропал. И был-то небольшой, да вот – судя по всему – исчез вдруг совсем, словно и не было. Ха! Исчез? Так волчатников-то Ясавэй чувствовал! Кстати, и волчатники тоже куда-то пропали... вместе с даром? Нет! Потому что им тут слишком холодно. А способностям тоже холодно? Или просто здесь место такое, неправильно намоленное старым шаманом Нгаром Сэвтя? Тьфу, тьфу! Отойди, наваждение, сгинь, изыди в дом смерти Темуэде-ни! Нельзя так думать о шаманах, никак нельзя! Шаман, колдуны – мудрые, они все знают, и это великое счастье иметь такую защиту, таких людей в своем племени. А он, малолетний дурачок Ясавэй, что себе позволяет? Усомниться в могуществе колдунов?! О, великая Неве-Хеге, праматерь всех богов. Смилуйся, прогони недостойные мысли!

Если б юный воин посмел, то, может быть, попытался бы восстановить заклетье – если оно по каким-то причинам пропало. Может, и удалось бы, но Ясавэй не попытался, не осмелился делать не свое дело, сунуть руки в гнездо гадюк!

Просто покачал головой и, вернувшись обратно на тропу, зашагал дальше – искать второй оберег, который нашел столь же быстро, что и первый. Сваренный в жиру товыльга глаз нуэра, опрaвленный в золотую сеть. И здесь была кровь – бурые пятна, и... и юноша даже почувствовал остатки заклетья! Мало того, ощутил, как это заклетье сняли – и сняли недавно, только что! Просто сдернули, как сдергивают со спящего бездельника одеяло – походя, не прилагая почти никаких усилий.

– Здравствуй, славный Ясавэй! – негромко произнесли откуда-то сбоку, из-за густых кустов боярышника и дрока. – Да хранит тебя великая праматерь Неве-Хеге!

Молодой воин резко повернул голову, увидев вышедшую из-за кустов красавицу-деву – темноволосую, чернобровую, пухлогубую, с задорным курносым носом.

Что-то пронеслось в голове – быстро-быстро... Кто эта девушка? Откуда она здесь? Откуда знает его, Ясавэя? И как смогла подобраться – так ловко, неслышно... А ведь Ясавэй – воин, охотник, к тому же обладает еще...

Мысли эти пронеслись быстро... и столь же быстро пропали. Красавица же растаяла в тумане, словно на жарком солнце снег. Веки славного воина смежились, тело обмякло, и разум погрузился в самый глубокий сон...

– Спи, Ясавэй, – склонившись над упавшим в траву юношей, тихо промолвила Митаюки-нэ. – Спи. Слишком уж ты силен, дружок, для того, чтоб заставить тебя говорить.

На всякий случай юная колдунья еще раз произнесла заклинание и улыбнулась: ну и растапы живут в селении Яранверг! Местные колдуны разленились, размякли – убрать наложен-

ные на обереги заклатья особых трудов не составило. Как и обнаружить дозор. Правда, вот этот вот... Ясавэй... мог бы оказаться опасен. Если б развивал свой талант, как положено, а не торчал здесь, в этом дурацком дозоре.

– Ну? – выбравшись на поляну, тихо спросил Ганс Штраубе. – Что тут?

– Что и у хижин. – Митаюки повела плечом и обиженно вздернула брови. – А ты думал, с этим мальчишкой не справлюсь, что ли?

– Ничего я такого не думал, красавица! – поправив на плече атаманскую «винтовую» пицаль, рассмеялся немец. – Так и знал, что у тебя пройдет все как по маслу.

– Как по маслу... – растерянно повторила девушка. – Откуда здесь масло-то?

– Э-э-э, – наемник хмыкнул, закашлялся и, едва сдержав приступ хохота, пояснил: – Это так русские говорят, когда все хорошо ладится – мол, как по маслу. Поняла?

– Поняла, – скромно кивнула колдунья. – Запомню. Ну, вот – обереги и наговор я сняла, сторожу усыпила. Сейчас вот туман погуще сделаю – и можно идти. Селение не так уж и далеко, к полудню будем.

Штраубе снова хмыкнул:

– Экая ты быстрая, Митаюка! Старшой сказал – к вечеру надо, к ночи.

– К ночи так к ночи, – покладисто согласилась Митаюки-нэ. – Однако помните, ночи сейчас здесь светлые, солнечные. Хотя... сама об этом Матвею скажу. Идем, господин Ганс.

– Зови меня просто, без «господина»!

Матвей Серьга спланировал набег тщательно, не торопясь, пользуясь полученной от супруги информацией, подсмотренной ею в мозгах незадачливых дозорных. Всех трех парней старшой велел накрепко связать да оставить в хижине – убивать таких вот, почти детей, не хотелось.

Митаюки про себя фыркнула – вождь не должен проявлять слабость! Впрочем, сказал не убивать – значит, посему и быть. Она бы убила, наверное... а может, и нет. Правду сказать, юной колдунье не было до своих земляков никакого дела, у нее имелась своя конкретная цель – власть – к ней дева и шла, походя используя всех, включая собственного мужа. Живы ли останутся эти мальчишки-дозорные, будут ли убиты – какая разница? А чтоб наверняка не смогли добежать до своих и предупредить – наложить покрепче заклатье... чтоб спали вечным сном? Нет. Как вождь сказал, так и надобно делать, не следует прекословить по мелочам. А вот с туманом помочь надо было!

– Я напушу на селение мглу, – подойдя к мужу, Митаюки взяла его за руку. – Мы же пойдем следом. Ночи здесь сейчас светлые – лето, – а туман скроет войско.

– А как же в селении? – повернул голову Матвей Серьга. – Что мы там в тумане увидим-то?

– Там я мглу уберу, – колдунья поспешно убрала с лица усмешку. – Вот только придем, и...

– Добро!

Махнув рукой, атаман приказал казакам строиться и выступить в путь немедленно. И впрямь, раз ночи все равно светлые, так нечего их и ждать. Тем более супруга туман напустила.

– Это хорошо, что жонка нашего Серьги – ведьма, – продвигаясь по узкой лесной тропе, втихаря радовались ватажники. – Ишь, мгла-то впереди, а тут уж нас никакой дозор не заметит.

Лес постепенно становился все гуще, сосны и хмурые ели сменялись солнечно-желтыми липами, зарослями орешника, бузины и вербы. Склоняясь над узкими многочисленными ручьями, плакали ивы, иногда попадались кленовые рощицы и дубравы, на полянках, меж белоствольных берез, росли трехцветные лесные фиалки, лютеницы, ромашки и сладкий розовый клевер. Буйные заросли кипрея тянулись к солнцу всеми своими соцветиями, тут и там весело щебетали птицы, над головами казаков порхали разноцветные бабочки и синие стрелительные стрекозы.

– Атамане!

Выскользнувший из кустов Кудеяр Ручеек прибежал с докладом от высланных вперед разведчиков. – Там озеро. Похоже, то самое, про которое...

– Понял тебя! – Матвей Серьга остановился и поднял вверх руку. – Ганс – обходишь со своими по левому берегу и, не доходя до деревни, ждешь. Мы справа пойдем, подадим знак трубою. Все ясно?

– Яволь, герр сублейтенант! – вытянулся по рейтарской привычке немец. – Будем ждать трубача. Как услышим – навалимся.

Матвей довольно кивнул:

– Так.

Ватажники шли налегке, без всяких пушек, даже пищалей взяли мало – берегли порох, которого уже почти что и не осталось. Зато почти у всех легкие и прочные кирасы, байданы, панцири, шеломы. А также луки, арбалеты, шестоперы, палицы... И острые сабли, конечно же, а самое главное – умение всем этим владеть, так, что любого вражину стошнило б кровью!

Густой туман реял впереди казаков крахмальным киселем, белесым, густым, непроглядным. Что там было за ним? Не ошиблась ли юная ведьма? Вдруг, да злобные здешние колдуны давно почуяли что-то неладное, затаились и готовы встретить незваных гостей острыми копьями воинов, градом стрел и ревом зубастых драконов величиной с крепостную башню?

Сопротивления почти не было. Явившиеся из густого тумана казаки казались бледнолицыми демонами, вырвавшимися из мрака долгой полярной ночи. Здесь, в поселке, их никто не ждал – надеялись на дозоры, а пуще того – на береги. Заговоренные на крови великим колдуном Нгаром Сэвтя, они не подводили никогда, и не должны были бы подвести – в могуществе старого колдуна никто не сомневался. Однако, увы... Злая сила напоролась на другую силу, впрочем, с появлением врагов в селении Яранверг стало не до рассуждений.

Первым опомнился военный вождь Хасавато. Увидев вынырнувших из тумана бородатых воинов, явно не несущих никаких добрых чувств, Хасавато со всех ног бросился к дому воинов, созывая на бой, кто смог выскочить, не напоровшись на меткие казацкие стрелы.

С берега озера послышался утробный звук трубы. Туман быстро рассеивался, таял в свете двух солнц, прозрачною дымкою поднимаясь к небу. Страшных демонов становилось все больше, близ дома воинов завязалась скоротечная схватка, дела складывались явно не в пользу местных.

Матвей Серьга – сильный, плечистый, в сверкающей плоскими кольцами байдане и высоком татарском шеломе со стреловидным наносником – скрестил свою саблю с палицей старого воина Хасавато. Палица неожиданно оказалась крепкой, настолько крепкой, что клинок едва не переломился, правда, все ж таки выдержал, звякнул зло и упруго.

Отбросив саблю, Матвей ловко выхватил из-за пояса шестопер, оружие надежное, мощное, ничем не уступавшее усеянной острыми осколками камней палице поганого дикаря.

Удар! Палица и шестопер скрестились, глаза врагов вспыхнули ненавистью и самую лютою злобой.

– Со злом пришел – сам зло испытаеть! – щерясь, выкрикнул вождь. – О, великий Нга-Хородонг!

Проворно перехватив палицу левой рукою, Хасавато ударил врага в голову. Серьга чуть uklonился, палица, слегка чиркнув по шлему, угодила прямоком в правое плечо... Приятного мало! Выпустив палицу, рука атамана повисла плетью, вызывая звериную радость вождя... Теперь острием – в глаз! Хасавато так и сделал, с силою выбросив вперед укрепленный на навершьи палицы острый шип. О, старый воин знал, как и куда бить! Вот только... Вот только не успел довести до конца удар. Быстро нагнувшись, Матвей Серьга живенько выхватил левой рукой засапожный нож и тут же ударил врага снизу, в печень.

Усеянная осколками камней палица выпала из ослабевших рук, старый вождь пошатнулся, застыл, словно бы наткнувшись на какое-то непреодолимое препятствие, и тяжело упал в траву. Лицом вниз.

– Вот и славно, – перешагнув через поверженного вождя, Матвей подхватил с земли саблю, обернулся – не нужна ли кому-нибудь помощь?

Да, похоже, что нет! Казаки управились с туземцами быстро, вот что значит – неожиданный натиск. Кто-то из молодых воинов лежал с пробитой головой, большинство же поразили стрелы и сабли. Поразили легко – доспехов на местных вояках не было, наверное, колдуны их не использовали вообще. А зачем? Чары, колдовство – вот лучшая защита.

– Семенко, Кондрат! Проверьте избу!

Указав острием клинка на приземистый, вытянутый в длину и крытый шкурой какого-то шипастого ящера, дом воинов, атаман перевел взгляд в глубь поселка, на маячившую за липами и рябиной страшную морду на вытянутой длинной шее. Опытный казак Матвей Серьга прекрасно знал уже – именно так колдуны украшают свои поганые капища... Да отец Амвросий уже бежал в ту сторону, азартно размахивая саблей. К нему на ходу присоединялись люди Ганса Штраубе – несколько молодых казаков и здоровущий Михейко Ослон со своей огромной дубиной, от которой, уж точно, не поздоровилось бы любому местному волхву! Да что там волхву – пара совсем еще юных парней с копьями, внезапно выскочив из-за лип, ринулась богатырю наперерез... Эх, бедолаги! Михейко словно от надоедливых мух отмахнулся, этак походя, без всякой злобы. По голове не бил, и по груди тоже... так приласкал слегка... Оба парня, отлетев сажень на пять, так и остались лежать в траве, стонали. Пожалел их лихой казак Ослон, не в полную силу ударил, кабы в полную – уже б не стонали.

– Господи Иисусе Христе!

Подбежав к капищу, отец Амвросий переброшил саблю в левую руку, правой же осенил себя крестным знаменiem и, обернувшись, махнул казакам:

– А ну, не робей, робяты! В самое чрево посейчас заглянем... Чую – там их поганое идолище! Там!

Про идолище знали все, все ж таки – не простое, а золотое! – всем хотелось ворваться в капище первым, в охотниках недостатка не было.

Правда, ушлый немец Ганс напомнил-таки своим, зачем шли. Ведь не за золотом... точнее – не только за ним.

– Ручеек, Ухтымко! И вы четверо! Вона туда, за мной идите.

Парни недоуменно переглянулись:

– А как же капище-то поганское?

– С капищем и без вас разберутся, – ухмыльнулся немец. – Доннерветтер, нам, окромя золота, еще и девки нужны. Там, за рощицей, домик... как бы не разбежались!

– Ничо! – задиристо тряхнув чубом, расхохотался Кудеяр Ручеек. – Убегут – поймает.

– Смотрите, как бы далеко бежать не пришлось!

Убежать девы сир-тя не успели. Да и не пытались, просто, ничего не понимая, укрылись в доме девичества, молясь великой праматери Неве-Хеге, надеясь отсидеться. Не вышло! Сбив с ног старую ворожею Хэhre-Минця, казаки ворвались в дом...

– Мать честная! Сколько ж тут девок-то! Полуголые все, срам...

– На улицу их тащите, – схватив за руку первую попавшуюся девицу, приказал Штраубе. – Там опосля их и будем делить... Я сказал – опосля!

Отвесив смачный подзатыльник кому-то из молодых казаков, уже успевшему по-хозяйски уложить в уголке хныкающую от страха деву, немец погрозил кулаком остальным:

– Ужо я вас! Терпенье-то поимейте, ага.

Главный колдун Яранверга великий Нгар Сэвтя – жилистый, осанистый, с кривыми ногами и морщинистым крючконосом лицом, – увидев бегущих к храму врагов, честно попы-

тался остановить их, ударить по рыжим головам заклинанием, так, чтоб легли все и больше уже не встали. Хорошее было заклинание, страшное и весьма действенное – от него закипала кровь! Вспомнив, всех богов, колдун торопливо разрезал ладонь жертвенным бронзовым ножом, зашептал, прикрыв глаза и раскачиваясь... Казалось, вот-вот – и бледнолицые дикари остановятся, упадут, корчась в страшных судорогах... вот-вот...

Но!

Старый шаман в изумлении приподнял брови. Нет, он-то сам делал все правильно, все так, как учили, но... страшное заклинание, идя к дикарям, вдруг зависло в воздухе, остановленное чьей-то неведомой силой! И не просто остановленное – отраженное, будь Нгар Сэвтя не столь опытным и сильным колдуном – корчился бы сейчас сам! А так – ушел, бежал, ничуть не стыдясь, ибо тот, кто обратил заговор против него, обладал куда более могучей силой! Бледнолицые колуны... кто они? Вообще, кто все эти люди? Откуда взялись, неужто они – злобная бледнокожая нежить, духи смерти из нижнего мира?

Впрочем, некогда гадать, когда надо действовать! Остановить, а если не выйдет – бежать в Даргаян за помощью... Да! Бежать.

Выбравшись через дальний выход, старый шаман бросился в заросли ив и орешника, что росли вокруг храма, там же проходила и тропа к лесу, а в лесу... в лесу, на берегу озера, паслись вкусные спинокрылы, щипали себе мирно папоротники и траву, лакомились личинками. Спинокрылы большие... и длинный хвост их на конце имеет большой шип! Пусть пока не едят траву, пусть почувствуют себя драконами, сильными и жаждущими крови!

Никем не замеченный, Нгар Сэвтя проворно прокрался к озеру. Оправдывая свое прозвище – Сэвтя – Зоркий, – спинокрылов он заметил еще издали – приземистых, толстоногих, с тупорылыми мордами и большим парусом-крылом на спине. Да-а... от ударов таких хвостов не поздоровится даже подземным духам!

– Хэр олг, хор олг, харам-ця... – несколько успокоившись, привычно клал заговор шаман.

Привычно – этими же словами спинокрылов отправляли на мясо, к забойщикам, и эти тупые, устрашающего вида, зверюги послушно шли... Вот и сейчас должны были идти. Только к забойщикам, не на мясо... теперь чужаки для них мясо... вернее, вкусная сочная трава! Ах, какая вкусная, куда вкуснее, чем даже та, что растет здесь, у озера. Сам бы ел, не отрываясь!

Колдун ослабил, поглаживая висевший на впалой груди круглый золотой амулет, усиливавший волшебную силу. Нгар Сэвтя и сам почувствовал голод, сильный и нестерпимый голод... который и передал настороженно поднявшим головы тварям. И тут же послал:

– Идите! Рвите бледнолицых чужаков в клочья, ешьте досыта белое мясо – траву сочную, вкусную, сытную...

Яшка Вервень – молодой казак от роду шестнадцати с половиной лет – почти сразу присмотрел себе деву: стройненькую красавицу смуглянку, с темными, сверкающими, словно звезды, очами. Отведя деву к остальным пленницам, больше никуда далеко не отходил, ошивался неподалеку, тем более что с селением, похоже, все уже было конечно. Никто не сопротивлялся, все уцелевшие жители покорно собрались на площади перед капищем, откуда казаки уже вытащили золотого идола – вполне себе увесистого, примерно в половину человеческого роста, с безобразной скалящейся рожей и вздыбленным мужским достоинством, кое отец Амвросий старательно плющил подобранным где-то рядом камнем.

– Вот тебе, вот! – ударяя, приговаривал священник. – Во имя Господа нашего, Иисуса Христа! За-ради Богородицы-девы!

– Так его, святой отче! – посмеивались собравшиеся вокруг казаки.

Опираясь на саблю, второй атаман немец Ганс Штраубе искоса поглядывал на согнанных к дальнему углу капища девок. Ничего себе попадались некоторые – сисястые, глазастенькие, с этакой обворожительно-томной пухлотой. Есть за что подержаться! Казаки тоже

поглядывали на пленниц, облизывались, нетерпеливо дожидаясь, когда же, собственно, добычу будут делить?

– Делить будем, как и договаривались – в остроге! – дождавшись, когда священник управится с идолом, громко напомнил всем Матвей Серьга. – А кто забыл – тот у меня живо плетей отведает!

Казаки в ответ глухо зароптали, и Матвей, как человек опытный и жизнью не худо битый, несколько сдал на попятный, все ж разрешив «отпробовать девок»:

– Как токмо до стругов доберемся. Не забывайте, братцы – мы с вами в стране волхвов, расслабиться раньше времени боком выйдет!

– Слава Матвею Серьге! – тут же закричали те, кто помоложе.

– Хорошо сказал! Добре.

– Атаману слава!

Полетели вверх шапки, у кого были, Серьга же откровенно нежился в лучах славы – не каждому ватажнику вот так кричат! Хотя он и атаман-то только походный, а все же приятно!

– Слава атаману Матвею! Слава!

Скромненько держась позади мужа, довольно шурилась Митаюки-нэ. А ведь по ее все вышло! Ишь как кричат. Атаман Матвей Серьга – то-то! Вот так бы и дальше, а уж потом...

Никто и не заметил, как рядом, в рощице, вдруг послышался треск, никто не придал значения – враги-то уже были все побеждены, какого лешего еще ждать-то? А вот лешие и появились! Выскочили из рощи – тупорылые, с огромными, как паруса стругов, гребнями на спинах, с усеянными шипами хвостами!

– Это травоядные! – поспешно бросила Митаюки. – Спинокрылы. Они мирные вообще-то и вкусные...

– Ничего себе – мирные! – Матвей Серьга ахнул, увидев, как подскочивший ящер махнув могучим хвостом, разом смел с десятков казаков.

– А ведь они на нас нападают, парни! – поспешно отскочил в сторону Штраубе. – А ну-ка... кто ту с пищалями? Выходи!

Мало кто оказался с пищалями, пороха-то уже почти что и не оставалось. Четверо ватажников, правда, бросились по сторонам – заряжать, – да вот еще и сам немец сорвал с плеча хитрую «винтовальную» пищалицу, ту, что дал в сей поход головной атаман Иван Егоров.

А чем-то разъяренные спинокрылы тем временем махали хвостиками, а один даже ткнул за плечо молодого казака Яшку Вербеня усеянной мелкими острыми зубами пастью!

– Ай, ай! Господи-и-и...

Скривившись от боли, юноша закричал, да, выхватив саблю, плескнул тварюгу по хитиновой морде... словно по латам польского гусара ударил – никакого особого эффекта. Тут уж поспешили на помощь друзья, засунули сабли осатаневшему ящеру в пасть, разжали, уворачиваясь от хвостового удара...

Тут грянул выстрел – пущенная из винтовальной пищали (сам Ганс упорно именовал ее аркебузом) пуля угодила взбеленившемуся чудищу в правый глаз.

Обескураженно мотнув головой, ящер как-то жалобно курлыкнул, вздохнул, как вздыхает застоявшийся в хлеву нетель, подломив лапы, поелозил брюхом о землю... и испустил дух.

– Ух, коровища! – плача, причитал Яшка Вербень. – Хорошо всю руку не оторвала.

– Тряпки, тряпки давайте, православныя! Перевязать надоть... И кровь бы заговорить не худо. Митаюка-то наша где?

Хитроумная Митаюки-нэ сразу же поняла, что со спинокрылами что-то нечисто. Сойти с ума – так у них и мозгов-то для этого нету, не с чего и сходить. Заколдовал, наслал кто-то... Знать, не всех местных колдунов перебили... ну, да ничего, справимся!

Концентрируясь, юная колдунья вытянула руки в стороны разгулявшихся ящеров и быстро произнесла заклинание... Как и предполагала, наткнулась на преграду – слабенькие мозги спиннокрылов были сжаты в кулак чей-то злой волею.

Не то чтобы распутать чужие чары не составило для Митаюки никакого труда, нет, попутать все же пришлось, однако не столь уж и сильно. Местный колдун ставил заклятье торопливо, тем более сейчас он находился на расстоянии, далеко...

И все же, все же...

Прижавшись спиной к толстой, с теплой корою, ольхе, девушка, дочитав заклинание, в последний раз выбросила вперед руки... и, обессилив, съехала спиной по дереву, села в траву, вытянув ноги и тяжело дыша.

– Что с тобой, милая? – опустившись рядом на колени, Матвей Серьга ласково погладил потный лоб женушки.

– Хорошо все, – через силу улыбнулась та. – По-доброму. На спиннокрылов глянь-ка...

И впрямь, шипастые ящеры, не интересуясь больше никем и ничем, мирно жевали травку, паслись, словно обычное стадо.

– Вот же коровищи... – опасливо промолвил кто-то из казаков. – Я б таких в свой хлев не взял бы!

– И я б не взял... – закинув «аркебуз» на плечо, с улыбкой отозвался Штраубе. – Я б лучше девок взял... и идолище золотое.

– А и правда! – опомнились ватажники. – Может, пора уж и в обратный путь собираться? А, атамане?

– Давно пора. – Матвей кивнул, подтверждая. – Убитых прежде отпеть да похоронить с честью – с собой тащить не будем.

– Своих убитых, атамане? – уточнил дотошный священник.

– Знамо дело, своих.

– А с этим что? – понизив голос до шепота, отец Амвросий кивнул на согнанных перед оскверненным храмом местных. – Их бы крестить... да проповедовать некогда.

Атаман согласно склонил голову:

– То-то и оно, что некогда. Ладно! Девоч с собой, а этих... кто тут остался-то? Старики да старухи, да тети малые. Казнить не станем, уж пускай как хотят живут.

– Слава атаману! – снова выкрикнул кто-то.

– Атаману Матвею Серьге слава!

– Люб, люб ты нам, Матвей!

То-то и оно, довольно подумала про себя Митаюки.

Глава III

Лето 1584 г. Ямал – южное побережье Байдарацкой губы

Изгой

Первый струг, построенный на верфи Троицкого острога куда раньше прочих, так и назывался – «Святая Троица», второй же носил странное на первый взгляд имя «Желтый глаз». По мысли главного строителя кораблей молодого, но уважаемого всеми казака Костьки Сиверова, именно такими – «желтыми» – и были глаза того пузатого водяного ящера, чья шкура пошла на обшивку судна, а выделанная особым образом голова, по настоянию Митаюки-нэ, использовалась не только как украшение, но и в качестве оберега, с чем никак не мог смириться Афоня Спаси Господи, постоянно оглядывающийся на следующий позади считавшейся головной «Святой Троицы» струг. Оглядывался, крестился, плевался сам собой, не замечая, как умаляет молитвою исходящую от головы желтоглазого ящера злую силу.

Шли ходко, хоть и немного казаков смог выделить атаман Иван Егоров для сего плавания – чуть больше дюжины на одном струге, да столько же на другом, – но ветер покуда выдался попутным, северным, и подгоняемые им, поставив мачты с оленьими парусами, быстро двигались к южному берегу, в виду коего должны были резко повернуть на полночь и так уж идти до самой Печоры-реки, а уж там... Там – Пустозерский острог, а чуть дальше – и строгановская земля, считай, что дома. Сдать купцам ясак: «белое золото» – бивни товлынга, о золотых идолах же не распространяться, даже ежели пытаться станут – такое было казачьего струга решение, все отплывшие в далекое плавание ватажники в том, уходя, пред алтарем поклялись. Да и без этого не собирался никто перед строгановскими приказчиками исповедоваться – упаси, Боже! Проведают про злато. Могут и другие ватаги снарядить, отправить, оттого всему троичному братству – прямой убыток. Нет уж – не надобно никаких помощников, и сами с усами!

Да и что сказать – ясак нынче богатый, ежели всю кость продать, так десять... нет, двадцать стругов купить можно, не говоря уж о порохе, соли, оружии... уж на этом-то добре Строгановы экономить не будут.

Хорошо плыли – красота! Солнышко в небе сверкало почитай целый день – кругами ходило, а злого – колдовского – солнца жар сюда почти и не доходил, даже и видно сего светила не было, о чем из казаков и не жалел вовсе. Наоборот – радовались: чем дальше от злого солнца, тем всякой зубастой твари меньше... Тут, в здешних студеньих водах, их, пожалуй, уже и не водилось. Хотя, как отплыли, показались по бокам три молодых длинношея, поплыли рядом со стругами в надежде – авось кинут подачку, да продержались недолго: как стала вода холодать – сгнули, повернули в обрат. Туда страхолюдинам тем и дорога!

Нетрудно путь начался, весело – так бы и дальше. Чтоб ни бурь никаких и ничего такого прочего, чтоб ветерок дул попутный, гнус-мошку прогоняя. Да так ведь и будет... ну, коли ветер не в масть, так и веслами поработать можно – дюжина-то молодцов на каждом струге будто не сладят? Хотя, конечно, хорошо б людишек иметь вдвое – а откуда ж их взять-то? Понимали все – не дураки – в остроге, чай, воины-то нужнее, каждая душа на счету. А вот хорошо было бы...

– А хорошо бы, господине кормчий, людишек где-нибудь на Печоре втихаря нанять, – оторвавшись от моря, Афоня повернулся к кормщику, Кольше Огневу.

Опытный мореход Кольша, умел, да не только потому атаман его с ясаком отправил. Знали все – ждала-дождалась в остроге Троицком Кольшина жена Авраама с дитем малым, не так давно народившимся.

– Людишек-то нанять хорошо, – поглядывая на волны, ухмыльнулся кормщик. – Да только выйдет ли тайно все сладить? Не прознали б Строгановы? А то ведь могут и отправить в подмогу отряд... а оно нам надо? Золото на всех лишних делить? Нет уж, Афоня, атаман-то прав, да и на круге решили – сходим, придем, дай бог, в месяц-полтора управимся, а уж потом год-другой – и все! Богаты будем, на родную землю вернемся, кто куда похощет, я так думаю – в Холмогоры аль в Архангельский городок: струги настрою, найму людей – пушай в море ходят, рыбу, тюленя бьют да зуб рыбий ищут.

– Хо!!! – перекрестясь, пономарь неожиданно рассмеялся. – Ну и мечты у тебя, Спаси Господи, Кольша!

– А что такое? – обиделся кормщик. – Мечты как мечты, не хуже, чем у тебя.

– Не хуже – оно так, – юноша покивал, погладив висевший на груди крест, перед которым врученный отцом Амвросием. – Одначе, чем тогда мечтанья твои от того, что в остроге Троицком, отличаются? У тебя и там – струг, и ватажники. И рыба... и зверь, и зуб рыбий... верней – товлыжий! Уваженье, опять же, сам атаман тебя привечает и пушай не во всем, да во многом советуется. А что в Архангельском городке будет? Боярин какой прижмет – и что? Или письмо подметное напишут. А на острове-то нашем – ты сам себе хозяин, как и все мы.

– Хм...

То, что неожиданно для самого себя сболтнул сейчас Афоня, вдруг оказало на Кольшу самое непосредственное действие, заставило задуматься о том, о чем раньше как-то не думалось. И в самом деле – он ведь, Кольша Огнев, не боярин, не воинский человек, наоборот – человеке вольный... А вдруг и правда какой боярин прижмет или письмо облыжное накропают из зависти, на дыбу потащат, а там... Всякие дела бывали! А в остроге-то Троицком ничего подобного нет! Ни бояр, ни приказных кровопивцев дьяков... Вот она воля-то! И чего еще искать-то? Тем более супруга любимая, ребенок...

Крепко задумался кормщик, настолько крепко, что других слов Афонькиных не расслушал, тому едва ль не в ухо покричать пришлось.

– Ась? – дернулся наконец Кольша.

– Говорю, вона, за нами – птицы какие-то!

– Где?

Огнев поднял голову, оглянулся назад, увидев у самой линии горизонта черные точки... или точку.

– Гагары, верно... – протянул Спаси Господи.

– Если и гагара – то одна, крупная... – кормщик тряхнул головой и тихо продолжил: – Или дракон этот чертов... с соглядатаем, что частенько у острога летает.

– Не, не дракон, – ухмыльнулся Афоня. – Хоть и солнечно тут, но для тварей теплолюбивых – студено. Давно б сдох твой дракон от холоду!

– Эх, вот бы трубу-то у атамана взять! – запоздало посетовал Кольша. – Углядели бы. Да, верно, не дракон. А ты, Афанасий, все равно сбегай-ка, Силантию доложи.

– Доложу, а чего же?

Поджав плечами, юноша горделивым жестом поправил висевшее на груди распятие и быстренько пробрался на нос, где давно уже расположился назначенный старшим Силантий Андреев.

– Дядько Силантий, дракона не видел ли?

– Нет тут никаких драконов, – не оборачиваясь, буркнул старшой. – Холодно. Солнышко-то это, северное, обманчиво – кабы снег не пошел. Драконам тут – верная гибель.

– Вот и я говорю – гибель! – пономарь погладил крест. – Это Кольша все – дракон, дракон... Правда и есть – откуда тут драконы-то? Колдовские-то земли, поди, давным-давно кончились.

То ли все же дракон, то ли гагара, то ли еще какая крупная птица – исчезла вдруг, растаяла, растворилась в блекло-синей небесной дымке.

– Ну, Спаси, Господи, улетела, – на всякий случай перекрестился Афоня. – Дядько Силантий, как думаешь – к ночи до матерой земли дойдем?

– Должны дойти, – старшой приподнялся и пристально всмотрелся вперед. – Должны. Ты б, Афоня, лучше б с той стороны птиц высматривал – глядишь, и знали бы, что близко земля.

– Так вон они, птицы-то! – всмотревшись, радостно откликнулся парень. – Стая целая! Вон!

– Вижу, – Силантий поспешно спрятал улыбку – негоже начальнику выказывать бурную радость, не к лицу то. – Ну, слава богу... скоро и берег, там и заночуем где-нибудь, а поутру – в путь.

Колдун третьего – пока не самого знатного – круга Хасх-Веря, сделав еще круг, погладил дракона по кожистой шее и ухмыльнулся:

– А нас с тобой опять приняли за большую птицу! Что ж, пора доложить.

Отдав «небесному оленю» мысленную команду, Хасх-Веря круто спикировал вниз и понесся к берегу, едва не касаясь волн.

Замедлив ход, струги подходили к низкому берегу, поросшему ягелем и густым кустарником. Налетевший вдруг порыв ветра едва не швырнул «Желтый глаз» о камни, и ватажники, поспешно убрав паруса, опустили и мачты, медленно пробираясь на веслах.

– Левый борт... Табань! – внимательно глядя в изумрудно-серые волны, командовал перебравшийся на нос кормщик. – Теперь – правый!

Суда осторожно лавировали на мелководья, шли вдоль берега, казаки высматривали удобную для стоянки и ночлега бухту, желательно – с пресной водой. Вот, похоже, что-то такое появилось. Кольша Огнев поднял руку:

– Табань!

– Кажись, то, что надо, – тихо промолвил за его спиной Силантий. – Трава густая, деревца – костры сладим. Похоже и речка там... или ручей.

Кормщик согласно кивнул:

– Да, место доброе. Только что-то я ни гусей, ни уток не слышу... а должны бы гомонить – тут им самое гнездование.

– Может, котик морской прогнал...

– Может...

– Меху тогда запасем... мех-то у котика знатный, непромокаемый, никакой дождь не страшен.

Белое полярное солнце цепко светило на горизонте, вовсе не заходя, просто бегая по кругу по всему небу. Тщательно промеряя глубину, струги один за другим вошли в небольшую бухту, в глубине которой виднелся впадающий в море ручей, довольно широкий и словно подернутый туманной полупрозрачной дымкой. Запасы пресной воды, конечно, у ватажников были, да кто же откажется их пополнить и вообще – умыться свежачком да напиться вдоволь?

Росшие вдоль ручья высоченные камыши, казалось, упирались в небо, казаки радовались – можно было наделать мягких подстилок, сложить шалаши, да и так, бросить камыш в огонь – от надоедливой мошки-гноса.

Старшой, Силантий Андреев, довольно щурил глаза, высматривая удобное, по его мнению, место. Вот вроде бы здесь неплохо:

– А, Кольша? Давай-ко прямо в ручей.

– Не нравится что-то мне этот ручей, – обернувшись, неожиданно промолвил кормщик. – Станный! Воды, вона, много – а течение где? Сюда уже доставать должно – а нету! Море спокойное, будто и нет тут никакого ручья! Тако не бывает!

Андреев махнул рукой:

– Да ладно те! Давай ужо причаливать. Эй, парни, – Силантий повернул голову. – А ну...

И в этот момент в струги полетели камни! С диким воплями выскочили таившиеся в камышах широкоплечие приземистые зверолоды – менквы, их было, верно, с сотню, а если и меньше, то не на много.

Многие казаки тут же полегли с раздробленными черепами, кто-то упал в воду; менквы бросились к несчастным, плотоядно урча и расталкивая друг друга, вытаскивали упавших на берег, дробили осколками камней черепа, высасывая вкусный мозг.

– Назад! Назад, парни! – что есть силы закричал Силантий. – Отходим!

Ватажники вспенили веслами волны... И в этот момент из камышей выскочили приземистые трехроги, бросились в холодную воду, перекрывая стругам отход.

– Ах ты ж, сволочина! – перекрестясь, Афоня Спаси Господи что есть силы треснул веслом по плоской башке ящера.

Весло с треском переломилось, а гнусная тупая зверюга даже не почувствовала удара, еще бы, с таким-то костяным лбом! Правда, засопела, махнула хвостиком – низкий борт «Святой Троицы» разлетелся в щепки!

А со всех сторон – безостановочно – в ватажников летели камни, и тупые злобные менквы уже лезли на корабли, тяжело переваливаясь через борта. Отражая натиск, казаки похватили копья и сабли, и волны покраснели от крови врагов. Однако зверолоды все лезли, упрямо и тупо, будто их кто-то гнал, а плоскорылые трехроги деловито долбили хвостиками струги.

– Колдуны! – полоснув саблею очередного менква, выругался Силантий Андреев. – Их рук дело... А ну-ка, Афоня – молись!

Поднявшись в воде, пономарь выставил вперед крест и бесстрашно пошел на врагов:

– Во Иордане крещаюся тебе, Господи! Троическое явися поклонение, родителей бо глас свидетельствоваше тебе! Изыдите, изыдите, демоны мерзкие, прочь, говорю вам, прочь!

Менквы озадаченно остановились, завывли, словно бы вдруг напоролись на какое-то препятствие... но тут же обошли Афоню стороной, бросившись к тонущим стругам.

Енко Малныче – еще довольно молодой, лет тридцати – мужчина, стройный, с красивым, слегка скуластым лицом и надменным взглядом, прислонясь к кривой сосне, к чему-то прислушался и, скривив тонкие губы в улыбке, погладил по холке странное существо, чем-то напоминавшее ужасного зубастого дракона о двух мощных ногах, только гораздо меньшее по размерам – в два человеческих роста длиной. Кроме того, голова существа явно отличалась от драконьей, заканчиваясь каким-то подобием клюва, а на макушке имелся круглый костяной вырост, очень похожий на шлем, такой, что никакой удар не страшен. Судя по клюву, зверь сей питался травой, в крайнем случае яйцами, змеями да личинками, хотя вид имел вполне себе устрашающий, грозный.

На мощном крупе животного, ближе к шее, было укреплено седло, с прекрасно выделанной кожаной упряжью, щедро украшенной золотыми подвесками и разноцветными перьями птиц.

– Нет, Ноляко-нэ-я, эти люди пришли вовсе не за нами, – усмехнулся мужчина. – Не ради нас пригнали тупоголовых менквов, не ради нас притащили трехрогов – по сути, на смерть. Я вижу, и ты мерзнешь, Ноляко? А ведь, между прочим, сейчас лето.

Порыв холодного, налетевшего с моря, ветра качнул ветки сосны, осыпав старой хвоею Енко Малныче и его хвостатого спутника.

– Да, вообще-то не жарко, – поежился Енко. – Даже в малице холодновато. Пожалуй, ты прав, Ноляко, – нужно пробираться поближе к нашей земле, к теплему солнышку. Что ты сказал? Давно пора? Без тебя знаю, что пора. Однако – как же обереги, заклятье? Их установили самые сильные колдуны сир-тя, члены Великого Седэя. Ты, я надеюсь, помнишь, как мы там едва не сгнули, когда только попытались пройти. Увы! О, Праматерь Неве-Хеге! Помогла б

хоть чем бедным изгоям, а? А я б тебе за это хорошую жертву принес – мухоморы... Любишь мухоморы, Праматерь? Знаю, что любишь... Жрица твоя, старая Эрвя-пухуця – любила. Такой смешной делалась, глупой... старая шлюха!

Хлопнув Ноляко по шее, Енко неожиданно захохотал, вовсе не весело, но и не грустно, а, пожалуй, издевательски-зло, будто вспомнил что-то такое, отчего нормальные люди покраснели бы... а этот вот – радовался.

– Помнишь, Ноляко, как та старая дура Эрвя-пухуця бегала голой вокруг дома девичества? Все хотела завлечь в свою постель юную Сертако-нэ! Думала, она там, в доме... Здорово я тогда все подстроил, ах, даже сейчас вспомнить приятно! Интересно, как там Сертако – вышла ли замуж? Что качаешь башкой? Я тоже думаю, что вышла – куда ей деется-то? Родила уже с пяток детей... может, правда, и меньше... расплылась, растолстела... а? Так ты думаешь, Ноляко-нэ-я? Хэ! Да никак ты не думаешь, мозгов у тебя нет, чтобы думать. Это я за тебя думаю, за тебя и говорю, потому как – больше не с кем. О!

Раздув ноздри, Енко Малныче пристально посмотрел в сторону моря; густые, цвета воронова крыла, волосы его трепал ветер, циничная улыбка кривила тонкие губы, словно бы молодой человек задумал вновь какую-то пакость, так, ради веселья, посмеяться над кем-нибудь, потешить себя и друзей. Потешил, чтоб их всех побрал великий Нга! Едва не прибили, едва ноги унес... Так эти твари еще и обереги поставили, заклятье наложили – теперь и на перелет стрелы к дому не подойдешь. Да что там к каждому – ко всей земле. Скитайся теперь тут, в студенной тундре, словно изгой. Так он, Енко, изгой и есть, хоть и знатного рода: отец был военным вождем, а мать – очень неплохой колдуньей. Очень-очень неплохой. Не была бы женщиной – в старейшинах бы ходила! И все ж, не убереглись родители, да многие тогда не убереглись – схватились два рода из-за дурацких лугов да пастбищ, многих воинов перебили, не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей... А потом еще долго жаловались друг на друга в Великий Седэй, могучим колдунам в славном городе Дан-Хаяре. Могучим, ага... Где все их могущество было, когда междоусобица началась... из-за каких-то там пастбищ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.